

БОЕГОТОВНОСТЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ПОД ВОПРОСОМ:

К дискуссии о понижении оперативной
готовности ядерных арсеналов США и России

Schweizerische Eidgenossenschaft
Confédération suisse
Confederazione Svizzera
Confederaziun svizra

Swiss Confederation

EASTWEST INSTITUTE
Forging Collective Action for a Safer and Better World

www.ewi.info

**NEW
ZEALAND**

БОЕГОТОВНОСТЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ПОД ВОПРОСОМ:

К дискуссии о понижении
оперативной готовности ядерных
арсеналов США и России

Schweizerische Eidgenossenschaft
Confédération suisse
Confederazione Svizzera
Confederaziun svizra

Swiss Confederation

EASTWEST INSTITUTE

Forging Collective Action for a Safer and Better World

www.ewi.info

**NEW
ZEALAND**

Институт Восток-Запад (ИВЗ) – международная неправительственная некоммерческая организация, осуществляющая консультирование по политическим вопросам и уделяющая первоочередное внимание решению важнейших проблем, создающих угрозу миру. ИВЗ был создан в 1980 году как структура, призванная активизировать формирование отношений доверия, развивать лидерство и содействовать сотрудничеству, направленному на положительные перемены. Офисы института находятся в Нью-Йорке, Брюсселе и Москве.

Настоящая публикация является переводом оригинального издания, ранее вышедшего в свет на английском языке: Reframing Nuclear De-Alert: Decreasing the operational readiness of U.S. and Russian Arsenals. EastWest Institute, 2009.

Для получения более подробной информации об Институте Восток-Запад или о настоящем докладе Вы можете обратиться к нам по адресу:

The EastWest Institute
11 East 26th Street, 20th Floor
New York, NY 10010
U.S.A. 1-212-824-4100
communications@ewi.info

Copyright © 2009 by the EastWest Institute
Авторские права Института Восток-Запад зарегистрированы и защищены

Русский перевод с английского языка: Ольга Видренко

Фото на обложке: Подполковник Александр Хабаров перед бомбардировщиком Ту-160 на военной авиабазе в г. Энгельсе в 900 км южнее Москвы 7 августа 2008 г. РЕЙТЕРС/ Сергей Карпухин (РОССИЯ)

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки.

Оглавление

Предисловие	i
Основные положения	iii
I. Введение	1
II. Определение вопроса.....	2
III. Прежний опыт России и США по понижению уровня боевой готовности систем ядерных вооружений	4
IV. Ситуация в других ядерных державах	5
V. Современные подходы России и США	6
Российский взгляд.....	7
Взгляд США	9
VI. Взгляд неядерных государств	13
VII. Преодоление препятствий и устранение разногласий	14
VIII. Заключение: к новой постановке проблемы и дальнейшие шаги	17
Программа семинара	20
Список участников	22

Предисловие

Приведение вооруженных сил в состояние определенного уровня боевой готовности веками было основным принципом военной доктрины в части готовности вооруженных сил, особенно в странах, подвергавшихся неожиданным нападениям. Поэтому ни для кого не станет откровением тот факт, что в период холодной войны значительная часть ядерных вооружений Соединенных Штатов и Советского Союза пребывала в состоянии боевой готовности. Но прошло 20 лет после окончания холодной войны, а Россия и США продолжают поддерживать подавляющую часть своих ядерных вооружений в прежнем состоянии боевой готовности. Пришло время основательно переосмыслить этот подход, а также предложить творческие идеи в отношении уровня оперативной готовности, соответствующего миру новой эпохи, а также в отношении возможностей практической реализации предлагаемых идей.

В настоящее время у США имеется порядка тысячи ядерных боеголовок в состоянии боевой готовности в межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) наземного базирования и баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ). Аналогично порядка 1 200 российских боеголовок (по большей части МБР) находятся в состоянии боевой готовности.

Даже в период холодной войны уровень боевой готовности не был статичен и изменялся в зависимости от условий безопасности. Однако с тех пор (после незначительного выведения из состояния боевой готовности, в частности бомбардировочной авиации, вскоре после окончания холодной войны) уровни боевой готовности не подвергались существенным изменениям. Как признал один российский эксперт, Россия и США – все еще заложники наследия холодной войны.

На таком фоне Институт Восток-Запад (ИВЗ), в партнерстве с Федеральным департаментом иностранных дел Швейцарии и Министерством иностранных дел и торговли Новой Зеландии приступил к выполнению проекта «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России» в поиске ответов на следующие вопросы:

1. Каков имеющийся опыт ядерных держав по понижению оперативной готовности ядерного арсенала в прошлом?
2. В чем заключается критика современных подходов к понижению оперативной готовности систем ядерного оружия и увеличения сроков принятия решения? Какие подходы могут быть приемлемы для Соединенных Штатов и России? Как можно практически осуществить предлагаемые идеи?
3. Как соотносятся попытки понижения боевой готовности и процесс разоружения? Взаимодополняемы ли они?

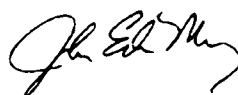
Эти вопросы обсудили технические эксперты, политики, кадровые военные и ученые из Соединенных Штатов и России в ходе семинара в городе Ивердон-ле-Бан (Швейцария) в июле 2009 года. Дополнительный вклад в дискуссию внесли представители неядерных государств, которые предложили резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Понижение оперативной готовности систем ядерных вооружений» (A/Res/63/41).

Дискуссии в ходе семинара продемонстрировали точку зрения, что не существует принципиальных препятствий для понижения боеготовности систем ядерного оружия (ЯО) при условии, что постановка вопроса не ограничивается набором узких технических мер, направленных на снижение возможности случайного, несанкционированного или непреднамеренного применения ЯО. Более широкое понимание понижения боеготовности ядерного оружия могло бы проложить путь для серьезных дискуссий о снижении военной роли ядерных вооружений – например, путем перехода от упреждающей стратегии и стратегии нанесения ответного удара по предупреждению, характерных для периода холодной войны, к стратегии и доктрине ответного удара. Такой более широкий взгляд обеспечит участие всех заинтересованных сторон, в том числе стратегических сообществ России и Соединенных Штатов, в дискуссии по оперативной готовности ядерных вооружений.

Такой подход также поможет предложить путь вовлечения прочих ядерных держав в дискуссию по снижению уровней боеготовности ЯО. Подобное изменение постановки вопроса о снижении уровней боеготовности ядерного оружия позволит предпринять несколько конкретных шагов. Например, в рамках дальнейших переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), Россия и США могут рассмотреть возможность совмещения мер по снижению оперативной готовности с двусторонним процессом ограничения вооружений. Возможно также перевести на многостороннюю основу договоренности об обмене данными о пусках ракет и обеспечении возможности уничтожения неподконтрольных ракет в полете.

Предлагаемый доклад представляет не только содержательную полемику между Соединенными Штатами и Россией, но также взгляды неядерных государств, в деталях рассматривает, как можно изменить постановку вопроса. Что немаловажно, в общих чертах доклад также предлагает серию практических шагов, которые Соединенный Штаты и Россия могли бы рассмотреть в процессе «перезагрузки» двусторонних отношений. Предложенные шаги в духе попыток США и России порвать с прошлым и взять новый курс на сотрудничество.

Институт Восток-Запад выражает благодарность правительствам Швейцарии и Новой Зеландии, а также другим спонсорам и донорам за великодушную поддержку, благодаря которой был выполнен настоящий проект. ИВЗ также благодарит всех участников процесса за творческий подход. Чтобы добиться новых прорывов на практике, Институт Восток-Запад постоянно работает над поиском новой постановки вопросов. Надеемся, что предлагаемый доклад станет шагом на этом пути, а также стимулом для Соединенных Штатов и России изменить уровень оперативной готовности в соответствии со стратегическими реалиями дня сегодняшнего, а не пережитками холодной войны.

Джон Эдвин Мроз

*Президент и Главный управляющий директор
Институт Восток-Запад*

Основные положения

- Почти 20 лет прошло после окончания холодной войны, а Россия и США все еще обладают сотнями носителей с ядерными боеголовками, которые находятся в состоянии боевой готовности, присущей временам конфронтации, то есть готовы к пуску в течение нескольких минут после поступления соответствующего приказа.
- Во времена холодной войны уровень боевой готовности, как известно, повышался или понижался в зависимости от стратегической и тактической обстановки. Хотя после окончания холодной войны оперативная боеготовность некоторых видов вооружений была понижена, коренные изменения не затронули уровни боеготовности большинства ядерных вооружений. Главным образом это объясняется тем, что Россия и Соединенные Штаты полагают, что, несмотря на принципиальные изменения двусторонних отношений в целом, жизненно важные интересы сторон, по-прежнему, диктуют высокий уровень ядерного сдерживания.
- Опыт, накопленный после окончания холодной войны, показывает, что можно снизить уровень боевой готовности и принять меры по сокращению риска случайного или несанкционированного применения ЯО. Можно предпринять дальнейшие меры с целью понижения оперативной готовности ядерных вооружений. При этом и американские, и российские эксперты исходят из того, что ключевой элемент в принятии подобных мер – сохранение выживаемости стратегических сил по причине отводимой им роли в ядерном сдерживании.
- Морально устаревшие стратегии периода холодной войны, в соответствии с которыми стратегические носители с ядерными боеголовками находятся в высокой боевой готовности, можно изменить путем политических инициатив, исходящих от руководителей государств, как это случилось в начале 1990-х с одним из видов ядерных вооружений.
- Технические вопросы рассматриваемой проблемы, обусловленные присущей межконтинентальным баллистическим ракетам (МБР) наземного базирования высокой степенью готовности к пуску, можно решить путем вовлечения конструкторов МБР в дискуссию о понижении оперативной готовности ядерных вооружений. Сложилось впечатление, что возможность технического решения проблем, связанных со снижением ядерной угрозы, существует, и что эти решения могут быть переведены на многостороннюю основу. Обмен информацией может помочь в практической реализации таких решений.
- Опасения, связанные с возможной «гонкой» по восстановлению боеготовности и в связи с уязвимостью сил, боеготовность которых была снижена, по отношению к ударам с применением обычных и ядерных видов вооружений в период такой «гонки», могут быть устранены благодаря повышению выживаемости сил, а также путем диалога и мер укрепления доверия.
- Прочие ядерные державы, по-видимому, поддерживают уровень боевой готовности своих ядерных сил, отличный от принятых в России и Соединенных Штатах. Обсуждался вопрос, насколько такое положение объясняется отсутствием соответствующих технических возможностей или иной оценкой существующих угроз после окончания холодной войны. Создалось впечатление, что ядерные доктрины и сложившуюся практику поддержания боевой готовности ядерных государств невозможно анализировать в отрыве от контекста их политики по обеспечению безопасности.
- Эксперты неядерных держав активно отстаивают законные интересы своих государств в данном вопросе и подчеркивают практический и конструктивный подход резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по понижению уровня боевой готовности ядерных вооружений.

- Неядерные государства заявляют, что понижение уровня боевой готовности ЯО снизит риск случайной или непреднамеренной ядерной войны, а также предоставит столь необходимый практический стимул для разоружения и нераспространения ядерного оружия. Понижение уровня боевой готовности ядерных вооружений также стало бы крайне целесообразной мерой укрепления доверия между ядерными и неядерными державами и долгожданным шагом накануне предстоящей в 2010 году Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).
- Принципиальное возражение в отношении понижения уровня боевой готовности ядерных вооружений в общепринятом понимании заключается в том, что эта инициатива является попыткой решения фактически несуществующей проблемы. Даже если в отдельных случаях вопрос имеет место, его можно решить с помощью технических и организационных мер, адаптированных к современным угрозам, таким как, к примеру, ядерный терроризм. Более того, сама по себе выдвигаемая инициатива может в конечном итоге подорвать ядерное сдерживание и стратегическую стабильность, в том числе и в кризисных ситуациях.
- В ходе встречи высказывалось мнение, что приведенное выше возражение вытекает из узкого взгляда на понижение уровня боевой готовности как на ряд мер, благодаря которым оперативный удар по приказу может стать технически невозможным. Такая точка зрения также приводит к тому, что акценты в дискуссии смещаются к вопросам контроля над применяемыми техническими мерами, что в свою очередь дает возможность оппонентам понижения оперативной боевой готовности выдвинуть контрдовод: поскольку технические меры по понижению боеготовности проверить невозможно, не стоит и предпринимать такие попытки.
- Если не ограничиваться узкой постановкой вопроса, принципиальных препятствий многим полезным мерам по понижению уровня боевой готовности ядерных вооружений не существует. Понижение боевой готовности необходимо рассматривать не только как техническое решение, но также как стратегический шаг в снижении военной роли ядерного оружия, иными словами, как переход к стратегии ответного удара от морально устаревшей доктрины, основанной на применении упреждающего удара или удара по предупреждению. Текущий процесс подготовки очередного Обзора ядерной стратегии США предоставляет возможность для подобного изменения в восприятии.
- Если поставить вопрос о понижении боевой готовности ядерных вооружений подобным образом, станут возможными несколько конкретных шагов:
 - ◆ В рамках дальнейших переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), Россия и США могут рассмотреть возможность совмещения мер по снижению оперативной готовности с двусторонним процессом сокращения вооружений.
 - ◆ И Россия, и Соединенные Штаты могут предпринять дальнейшие шаги по усовершенствованию мер контроля с целью предотвращения несанкционированных действий; повышению возможностей систем оповещения отличать реальные атаки от кажущихся; а также по укреплению выживаемости своих сил, средств контроля и систем управления.
 - ◆ Договоренности об обмене данными и обеспечении возможности уничтожения в полете неподконтрольных ракет можно перевести на многостороннюю основу, по меньшей мере, в части обмена данными, с целью вовлечения в процесс других ядерных государств.
 - ◆ Перевод на многостороннюю основу организаций типа Совместного центра обмена данными также может быть взаимно полезным и в сфере обеспечения безопасности в космосе.
 - ◆ Ядерное сдерживание между Россией и Соединенными Штатами также не стоит считать незыблемым. Диалог о морально устаревших доктринах и стратегиях в контексте российско-американских отношений может инициировать более широкую дискуссию между государствами о снижении видной роли ядерного оружия и таким образом будет способствовать процессу разоружения и нераспространения ЯО.

I. Введение

В период холодной войны два основных противника подерживали существенную долю своих ядерных вооружений в состоянии высокой боевой готовности, каждая сторона стремилась не оказаться застигнутой врасплох. До сих пор это положение сохранилось неизменным за исключением того, что была понижена боеготовность бомбардировщиков и нестратегических ядерных вооружений. Со времен окончания холодной войны ряд бывших официальных лиц и государственных деятелей, занимавшихся вопросами ЯО, независимые комиссии (например, Канберрская комиссия) и правительства ряда государств призывают к понижению боевой готовности. Понижение состояния боевой готовности ядерных вооружений стало одним из 13 шагов, согласованных в ходе Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия в 2000 году. С 2007 года Чили, Новая Зеландия, Нигерия, Швеция и Швейцария, к которым позже присоединилась Малайзия, предлагали в Генеральной Ассамблее ООН рассмотреть резолюцию «Понижение оперативной готовности систем ядерных вооружений». Данная резолюция призывает предпринять дальнейшие практические шаги по понижению оперативной готовности ядерных вооружений с целью обеспечения выведения всех их видов из состояния высокой боевой готовности. В свою очередь, Индия с 1998 года предлагает аналогичную резолюцию под названием «Снижение ядерной угрозы». Сравнительно недавно, в январе 2007 года, в статье, опубликованной в газете *The Wall Street Journal*, четыре видных государственных деятеля США – Джордж П. Шульц, Уильям Дж. Перри, Генри А. Киссинджер и Сэм Нанн – выступили с инициативой «серии согласованных и незамедлительных шагов, которые заложат основу мира, свободного от ядерной угрозы». Одним из первых таких шагов стало бы изменение практики развертывания вооружений, сохранившейся со времен холодной войны, с целью увеличения сроков предупреждения и снижения угрозы случайного или несанкционированного применения ЯО.

Все предыдущие инициативы по понижению боевой готовности ядерных вооружений отличались двоякой целью: в краткосрочной перспективе – снижение воспринимаемой ядерной угрозы, а в долгосрочной – содействие дальнейшему процессу ядерного разоружения, контролю над вооружениями и нераспространению ЯО.

Хотя многие наблюдатели – в особенности из неядерных государств – оспаривают легитимность миссии сдерживания, которую Россия и Соединенные Штаты связывают со своими ядерными вооружениями, данный проект направлен не на обсуждение ядерного сдерживания, а на рассмотрение угроз (если таковые существуют), возникающих в связи с принятой практикой эксплуатации ядерных вооружений, а также мер,

которые можно было бы предпринять с целью снижения или – по возможности – устранения этих угроз. В числе таких угроз – возможность непреднамеренного, несанкционированного или ошибочного решения об ответной ядерной атаке, которое может произойти в результате:

1. «чистой случайности», т.е. технического сбоя или ошибки оператора, которые могут стать причиной ответного удара;
2. захвата и незаконного осуществления командных функций подчиненными военными подразделениями или террористами;
3. ошибочной интерпретации данных, полученных от систем предупреждения; или
4. плохо проработанного порядка ответных действий на случай действительного нападения.

Россия и Соединенные Штаты – как и любое другое государство – прямо заинтересованы в том, чтобы избежать подобных сценариев развития событий.

Первая задача настоящего доклада – очертить проблему с тем, чтобы согласовать различные точки зрения на концепцию понижения боевой готовности, которые сами по себе могут препятствовать попыткам понижения боевой готовности ядерных вооружений. Вторая задача – изучить прежние подходы к понижению боевой готовности ядерных вооружений, особенно применительно к отношениям между Россией и США, а также в широком контексте ядерных доктрин и стратегий. Последняя задача – изучить альтернативные идеи, связанные с понижением боевой готовности, которые были действительными или могут оказаться таковыми для ядерных держав, а также найти подходы к консенсусу по реализации этих идей, прежде всего между российскими и американскими политиками.

Поставленные задачи решались в ходе обсуждения нескольких рабочих докладов, составленных экспертами из России и США, а также на семинаре «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия» в городе Ивердон-Ле-Бан (Швейцария) 21–23 июня 2009 г.¹ Все эксперты представляли личную точку зрения. Настоящий доклад – попытка отразить расхождения и точки соприкосновения, которые выявились в ходе этих дискуссий. Он не предполагает единодушия по тому или иному конкретному действию на будущее, но предлагается в качестве руководства для более корректной формулировки проблемы и поиска конкретных вариантов политических решений.

Эксперты, принявшие участие в данной работе, поддерживают в целом достигнутые результаты и выводы, однако при этом могут не соглашаться с отдельными предложенными подходами или высказанными мнениями, которые упоминаются

¹ Программа семинара и материалы (на английском языке) размещены в свободном доступе по адресу <http://www.ewi.info/reframing-nuclear-de-alert-0>.

II. Определение вопроса

Понижение боевой готовности традиционно понималось как внедрение обратимых изменений в систему ядерного вооружения, которые существенно удлиняют промежуток времени между принятием решения о применении ЯО и его пуском. Предложенная шестью государствами резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/63/41 от 12 января 2009 г. не дает точного определения понятия «понижение боевой готовности». Фактически, в тексте резолюции английский термин “de-alerting” не употребляется вообще. Вместо него в пункте 1 резолюции упоминаются «дальнейшие практические шаги в целях понижения боевой готовности систем ядерных вооружений». В тексте резолюции также используются термины «понижение оперативного статуса», «высокий уровень боевой готовности ядерных вооружений». В английской версии настоящего доклада термин “de-alerting” употребляется в качестве условного обозначения «понижения боевой готовности» ядерных вооружений.

Сложность задачи состоит в том, чтобы определить «понижение боевой готовности» и в то же время передать более широкий контекст и сохранить направленность на практические шаги. Сложность задачи также заключается в том, чтобы избежать передачи излишне алармистской или негативистской точек зрения на существующую практику развертывания вооружений и одновременно зафиксировать связанную с состоянием повышенной боевой готовности опасность. Для пользы дискуссии о понижении боевой готовности требуется обезвредить своеобразное концептуальное минное поле, для чего, прежде всего, необходимо определить ключевые термины, связанные с развертыванием и планируемым применением ЯО.

Эксперты отметили, что в англо- и русскоязычной литературе по понижению боевой готовности наиболее часто употребляются термины «нанесение ответного удара по предупреждению», «ответный ракетный удар» и «ответно-встречный удар». Министерство обороны США дает следующее определение «ответного ракетного удара»: «приведение президентом в исполнение Единого комплексного плана боевых действий в результате тактического оповещения о стратегическом ядерном нападении на Соединенные Штаты и до первого удара».² У определения, которое привел один из американских экспертов в ходе дискуссий в рамках данного проекта – ответное нападение, приказ о котором отдан после подтверждения факта крупного наступления

² Slocombe, Walter. “De-alerting: Diagnoses, Prescriptions and Side Effects”. Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Slocombe.pdf>.

— по существу имеет то же значение. Тот же эксперт определяет «нанесение ответного удара по предупреждению» как «нападение, приказ о котором отдается на основании определения того, что противник произвел ядерный удар по США, но до того, как удар фактически нанесен». В то время как в США не используется термин «нанесение ответного удара по предупреждению», Пентагон называет такой вариант развития событий «оперативным ракетным ударом». Ключевой вопрос в приведенных определениях – характер оповещения (тактическое или стратегическое), а также характер системы обнаружения, оповещающей об ударе. Так, нанесение ответного удара по предупреждению получало иное определение по отношению к ситуации, когда приказ об ударе отдается и исполняется после того, как системы раннего оповещения сообщили о наносимом ударе, но до того, как ракеты противника попали в цель. Однако такое определение нанесения ответного удара по предупреждению стирает его отличие от ответного ракетного удара, а потому не рассматривалось в данной дискуссии.

В Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН) России используется следующее определение термина «ответно-встречный удар» (ОВУ): «форма ответных мер стратегических ядерных сил, приказ о которых отдается после анализа всех данных разведки и раннего оповещения таким образом, что передача приказа о пуске основным системам доставки боезарядов к цели и пуск этих систем осуществляются до попадания первого удара противника в цель».³ Это определение аналогично американскому термину «ответного ракетного удара», но наличие слова «всех» передает широту охвата поступающей информации. Один из российских экспертов называет ОВУ «ответным наступательным ударом» — «мы не будем первыми наносить удар, но и вторыми быть не намерены». Американское определение «нанесения ответного удара по предупреждению» соответствует российскому термину «упреждающий удар». В тексте настоящего доклада употребляются термины «ответно-встречный удар» (ОВУ) и «упреждающий удар».

Что касается определения самого понятия «понижение боевой готовности», хотя аспекты ядерной безопасности и стабильности в доктринах и вопросах развертывания появились вместе с ядерным оружием, идея «понижения боевой готовности» заняла видное положение в 90-х гг. XX века после распада Советского Союза. Брюс Блэр, Гарольд Фейвесон, Франк фон Хиппель, Алексей Арбатов, Владимир Дворкин, Сергей Рогов, Виктор Колтунов и многие другие дискутировали по поводу

3 Miasnikov, Eugene, General (Ret.) Viktor Esin, General (Ret.) Viktor Koltunov. "Comments on U.S. Discussion Papers: On Definitions in the Discussion of De-Alerting." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных вооружений арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: http://www.ewi.info/system/files/Comments_Miasnikov_Esin_Koltunov.pdf.

необходимости поддержания двумя основными ядерными державами тысяч единиц ЯО в состоянии повышенной боевой готовности.⁴ В этих дискуссиях «понижение боевой готовности» определяется как «внедрение определенных обратимых физических изменений в систему ядерного вооружения, которые существенно удлиняют промежуток времени между принятием решения о применении ЯО и его пуском». Таким образом, хотя сама проблема правильно диагностируется как вопрос доктрины и развертывания ядерных вооружений, предлагаемое решение трактуется более узко. Спектр предлагаемых мер по понижению боеготовности ЯО охватывает деактивацию межконтинентальных баллистических ракет, например, путем блокировки электроцепей пуска, покрытия защитных крыш шахтных пусковых установок несколькими метрами грунта, снятия модулей наведения и управления ракет, удаление систем подачи трития в термоядерных зарядах, отстыковки боеголовки и хранения их отдельно от систем доставки боезарядов.

При определении пониженной боевой готовности важно также принимать во внимание понятие состояния повышенной боевой готовности. По мнению Брюса Блэра, конфигурация вооруженных сил США и России все еще подразумевает нанесение упреждающего удара — т.е. массированного удара до ожидаемого подлета вражеских ракет.⁵ Брюс Блэр называл это «качеством повышенной готовности или спускового крючка со слабым нажатием».⁶ Другие эксперты возражают и утверждают, что состояние повышенной боеготовности не предполагает автоматизма или необратимости в принятии решения о пуске ракет. Главнокомандующий военно-воздушными силами США генерал Нортон Шварц сказал, что «задействованы жесткая дисциплина и процесс, а потому это можно называть как угодно, только не спусковым крючком со слабым нажатием».⁷ Решение о пуске ракет принимается президентом США, который обязан передать коды авторизации стартовым расчетам, которые затем подтверждают их подлинность. Для завершения процедуры пуска затем требуются одновременные действия двух офицеров расчета (в российских вооруженных силах – трех).. В силу комбинации физических замков, техни-

ческих защитных средств и процедур, требующих участия людей и сформированных решений, эти системы сравнивают скорее с револьвером в кобуре и на чашечке пальца, чем с пистолетом с введенным курком и готовым к выстрелу спусковым крючком. Готовность к пуску в течение нескольких часов

4 См. Blair, Bruce G., "Global Zero Alert for Nuclear Forces," (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1995), а также Harold A. Feiveson, ed., The Nuclear Turning Point (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999).

5 Blair, Bruce G., "A Rebuttal of the U.S. Statement on the Alert Status of Nuclear Forces," Defense Information Security Agency, 2009. В свободном доступе: <http://www.cdi.org/program/document.cfm?documentid=4135>.

6 Там же.

7 Grossman, Elaine M., "Top U.S. General Spurns Obama Pledge to Reduce Nuclear Alert Posture," Global Security Newswire (February 27, 2009). В свободном доступе: http://gsn.nti.org/gsn/nw_20090227_8682.php.

Еще одна концепция, связанная, но не синонимичная понижению боевой готовности – «деактивация». Уменьшение числа боеголовок на ракете или «деактивация» предусматривалось в текстах договоров СНВ-1 и СНВ-2. Оно означало снятие или удаление с баллистических ракет боеголовок и хранение их в особом помещении. Вспомним, что в 1997 году Россия и Соединенные Штаты достигли договоренности до конца 2003 года (позже срок продлили до 2007 года) деактивировать ракеты, уничтожение которых было согласовано в Договоре СНВ-2. Вспомним также, что в вооруженных силах США термин «активация» используется для обозначения мер мирного времени по приобретению новой системы вооружений и обучению работы с ней на уровне подразделений, в то время как развертывание подразумевает более «воинственную» стратегию, при которой оружие фактически размещается и приводится в готовность к применению. Концепция деактивации критически важна для понимания связи между понижением боевой готовности и разоружением. Еще один термин из этой области – «развернутые на стартовой позиции боеголовки».

Дискуссии в ходе выполнения проекта показали, что вопрос боевой готовности систем ядерных вооружений невозможно рассматривать отдельно от более широких концептуальных вопросов доктрины и развертывания. Так, узкое – основанное на физических мерах – определение термина «понижение боевой готовности» упускает сложность рассматриваемых вопросов. В то же время, в качестве сугубо практической меры, исходящей к тому же из прежнего опыта боевой готовности систем ядерного оружия, можно определить различные уровни боевой готовности. Необходимо отметить, что приведенная ниже разбивка на категории представляет собой упрощенную эвристическую процедуру с целью оценки различий уровней боевой готовности во времени и в географическом размещении ядерных арсеналов. Фактически на практике, если и возможны различные сроки отложенного пуска в зависимости от боевой готовности оружия, их не следует рассматривать как различные уровни боевой готовности.

III. Прежний опыт России и США по понижению уровня боевой готовности систем ядерных вооружений

Появление ядерных вооружений, естественно, привело к рассмотрению вопросов их развертывания и применения. Специалисты по ядерному планированию в США и СССР теоретически разработали три возможных общих сценария применения ЯО: упреждающий (первый) удар, «нанесение ответного удара по предупреждению» и ответно-встречный удар. Во времена холодной войны ядерное сдерживание строилось вокруг «нанесения ответного удара по предупреждению», а потому обе стороны поддерживали часть развернутых ядерных вооружений в состоянии боевой готовности для использования по любому из принятых вариантов.

Исторически уровни боевой готовности систем ядерных вооружений изменялись в соответствии с политическими и экономическими условиями, а также с переменами в сфере безопасности. В 1959-1967 гг. 50% американских стратегических бомбардировщиков и самолетов-дозаправщиков держались в состоянии 15-минутной боевой готовности. После 1967 года связанные с вьетнамской войной экономические и прочие ограничения привели к тому, что уровень боевой готовности бомбардировщиков понизился до 33%. В 1969 году в США повысились уровни боевой готовности бомбардировщиков В-52 и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) в виду возможности крупномасштабного советско-китайского конфликта. В 1973 году произошло очередное повышение уровня боеготовности ядерных сил в период арабо-израильской войны. На сегодняшний день, все российские и американские стратегические бомбардировщики выведены из состояния повышенной боевой готовности.

По сравнению с бомбардировщиками, уровни боевой готовности МБР были относительно стабильно высокими – примерно 97-99%. Уровни боевой готовности БРПЛ также по большей части оставались постоянными, несмотря на определенные изменения. Подводные лодки с БРПЛ на борту находились на стоянке в базах или выходили в море для патрулирования. В отличие от МБР, «естественное» состояние которых – размещение в боевой готовности в шахте с включенным питанием, уровень боевой готовности бомбардировщиков и БРПЛ относительно легко понизить. Например, стратегические подводные лодки могут быть просто возвращены в базы (хотя российские БРПЛ могут запуститься со стоянки в базе).

Конкретные способы развертывания ЯО каждым из противников также со временем влияли на уровни боевой готовности ядерных вооружений. Когда Советский Союз развернул подводные лодки класса «Янки» в Атлантическом океане, уровень боевой готовности бомбардировщиков США в восточной части страны изменялся. Пока советские подводные лодки находились на определенном расстоянии от побережья США, экипажи бомбардировщиков могли действовать в весьма ограниченных пределах. По мере приближения подводных лодок экипажи должны были занять места на борту самолетов. Когда подводные лодки подходили к определенной границе, бомбардировщики выдвигались к так называемой линии удержания. Развертывание подводных лодок класса «Янки» даже стало причиной введения определенных модификаций бомбардировщиков В-52. Так, пиротехнические устройства, ранее устанавливавшиеся для ускорения запуска на четвертый и пятый двигатели, стали использоваться на всех восьми двигателях, что позволило сэкономить время реагирования на несколько минут. Командующий Стратегическим авиационным командованием (САК) мог привести бомбардировщики в полную боевую готовность и даже отдать приказ о взлете при определенной угрозе, пока ожидался подтверждающий приказ от президента США об отправке их к целям. Регулярно «отрабатывались» боевые дежурства. Во время семидневного боевого дежурства бомбардировщиков дважды подавался сигнал тревоги, по которому экипаж занимал свои места в самолете, запускал двигатели и ожидал зашифрованную команду по радио.

Во время войны во Вьетнаме США придерживались условного развертывания одной трети бомбардировщиков в боевой готовности, в то время как немало самолетов оставалось «под новогодней елкой», без экипажей, которых не хватало. Так ограниченные кадровые и экономические ресурсы влияли на состояние боевой готовности. Этот фактор был не менее важен и для СССР, а позже и для России, в начале 1990-х гг. Играли роль и имевшие место инциденты. Например, после нескольких аварий с участием стратегических бомбардировщиков, Соединенные Штаты сняли эти самолеты с боевого дежурства в воздухе в 1963 году. В свою очередь, недавний инцидент, когда бомбардировщик с крылатыми ракетами в ядерном оснащении по ошибке пересек всю территорию США, объяснили пониженным уровнем боевой готовности бомбардировщиков, редкими тренировками и снижением внимания к выполнению задач ядерного сдерживания.

В понимании американских специалистов, осуществляющих практику ядерного сдерживания, вышеприведенные случаи – примеры изменений в тактической боевой готовности, которые относятся к конкретным элементам ядерной триады: бомбардировщикам, ракетам наземного и морского базирования. Кроме тактической боевой готовности необходимо принимать во внимание уровни стратегической боевой готовности,

которые в случае США определяются по шкале DEFCON от 1 до 5, где 5 – это повседневный уровень мирного времени. В период холодной войны уровень стратегической боевой готовности по большей части составлял 4, близкий к уровню мирного времени. Специалисты-практики отмечают, что поскольку само слово «боевая готовность» не употребляется в президентских директивах в США, вопрос этот более «тактический» по характеру, а потому его здравое озвучивание лучше оставить на рассмотрение специалистов.

Уровни боевой готовности также понижались в рамках неформальных и официальных взаимных договоренностей. Так, 27 сентября 1991 г. Президент Джордж Буш-старший объявил о снятии с боевого дежурства всех наземных ядерных систем малой дальности на базах за пределами страны и о прекращении развертывания тактического ядерного оружия на боевых надводных кораблях, ударных подводных лодках и самолетах морской авиации наземного базирования при «обычных обстоятельствах». Президент СССР Михаил Горбачев 5 октября 1991 г. заявил об ответных мерах – снятии ядерных боеголовок с ракет ПВО с передачей их в центральные хранилища. Эти так называемые «президентские ядерные инициативы» (ПЯИ) стали ответом на быстро изменяющуюся политическую ситуацию в Советском Союзе и новый контекст советско-американских отношений. В 1994 году президенты Соединенных Штатов и России подписали Московскую декларацию о взаимном нацеливании стратегических ядерных ракет, вступившую в действие 30 мая 1994 г. В совсем недавнем прошлом Соединенные Штаты, Россия и Великобритания объявили об изменении порядка пусков: при пуске ракеты она направляется в «незаселенную» часть океана, а не нацеливается на сушу. Один российский эксперт отметил, что российские МБР в «нулевом» режиме пуска не могут быть даже запущены по намеченным целям.

Сегодня у Соединенных Штатов имеется порядка 1 000 ядерных боеголовок в состоянии боевой готовности на МБР наземного базирования и БРПЛ. К ним относятся боеголовки на всех 450 МБР Minuteman III, а также, вероятно, БРПЛ на четырех подводных лодках Trident в районах боевого патрулирования в море. Хотя процесс команды пуска не автоматический, Президент США может произвести удар этими ракетами незамедлительно после получения оповещения о непосредственном нападении. Время, необходимое для удара этими ракетами, может составлять всего 4 минуты для МБР и 12 минут для БРПЛ. Россия располагает примерно 1 200 боеголовками в состоянии боевой готовности, почти все из которых – на МБР. Франция и Великобритания вместе взятые обладают 112 боеголовками в состоянии боевой готовности.

В ходе обсуждения исторических аспектов уровней боевой готовности ядерного оружия сложилось ощущение, что приведение вооруженных сил в определенную степень боевой готовности всегда лежало в основе доктрины боевой готовности.

Потому неудивительно, что в период холодной войны часть ядерных вооружений Соединенных Штатов и Советского Союза была приведена в состояние боевой готовности. Удивительно то, что через 20 лет после окончания холодной войны, по меньшей мере, часть ядерных сил России и США все еще содержится на прежнем уровне боевой готовности. Даже в период холодной войны уровень боевой готовности не оставался неизменным и отражал тактическую и стратегическую обстановку. Однако на уровне боевой готовности никоим образом не повлияли крупные изменения после окончания холодной войны. С исторической точки зрения полезно рассмотреть причины понижения уровня боевой готовности ядерных вооружений в период холодной войны, поскольку такой анализ может дать понимание того, как противодействовать сложившейся инертности к переменам в стратегиях боевой готовности.

IV. Ситуация в других ядерных державах

Насколько уникален советско-американский опыт боевой готовности ядерных вооружений в период холодной войны? Привели ли Китай, Франция и Великобритания части своих ядерных арсеналов в состояние боевой готовности? Осталась ли их стратегия настолько же неизменной после окончания холодной войны, как в случае с Россией и США? Ограничивается ли взаимодействие российско-американских стратегий ядерных сил лишь двусторонним контекстом? Являются ли эти стратегии частью более широкого контекста?

Как показано в предыдущем разделе, и Россия, и Соединенные Штаты были убеждены в важной роли поддержания большей части ядерных сил в состоянии боевой готовности в целях ядерного сдерживания и стратегической стабильности. В Китае, с другой стороны, по сообщениям, часть ракет содержится на низком уровне боевой готовности с отстыкованными боеголовками. Даже в период холодной войны китайские МБР находились в шахтах без боеголовок и незаправленными. Таким образом, создается впечатление, что Китай желает и впредь находиться в такой кажущейся уязвимой ситуации, даже несмотря на неопределенность ситуации в будущем. Возможно, причины такой «релаксации» носят характер частично технологический (Китай не обладает средствами нанесения контрсилового удара, имеющимися в распоряжении США и России), частично организационный (в разработке и развертывании ядерных вооружений традиционно преобладали научные круги, а не военные). Однако самой важной причиной может оказаться политическая: ядерные вооружения

рассматриваются скорее в качестве оружия для сдерживания, а не для применения. Сам факт обладания создает своеобразный паритет, и практически достигается необходимое ядерное сдерживание.

В ходе обсуждений также была представлена иная точка зрения на подобное развертывание Китаем ядерного оружия: хотя Китай и не обладает ядерным потенциалом, равным российскому или американскому, небольшая часть стратегических систем круглосуточно пребывает в состоянии повышенной боевой готовности. В распоряжении Второго артиллерийского корпуса, в ведении которого находится ядерное оружие, возможно, имеется 30 МБР в состоянии постоянной боевой готовности, в том числе 12 ракет DF5 на жидком топливе с 2-мегатонными боеголовками, готовых к пуску в течение примерно 30 минут, а также 18 ракет DF31 на твердом топливе в шахтах в состоянии 20-минутной боевой готовности.

Франция в последние годы также предприняла шаги с целью понижения боевой готовности ядерных вооружений до «минимально возможного» уровня, достаточного для обеспечения надежного сдерживания. Франция уничтожила свои ядерные ракеты наземного базирования. Великобритания понизила уровень боевой готовности стратегических систем Трайдент (Trident), которые никуда не нацелены и которым для нанесения удара требуется предупреждение за несколько дней. После окончания холодной войны Великобритания уничтожила ядерное оружие наземного и воздушного базирования. Сейчас ядерные силы страны располагают лишь морской компонентой ядерной триады.

Индия придерживается доктрины ответного ядерного удара. Предположительно боеголовки хранятся отдельно от систем доставки. Та же ситуация и в Пакистане. Подобная практика развертывания ядерного оружия является результатом односторонних решений, которые можно объяснить отсутствием систем раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН) или прочими технологическими пробелами (по сравнению с Россией или Соединенными Штатами). Еще одно возможное объяснение – соображения управления и безопасности. Прежде всего, как в случае с Китаем, такую практику можно списать и на иной доктринальный взгляд на ядерное оружие, согласно которому руководство государства предпочитает избегать легкого доступа к этому виду оружия. О ядерной политике Израиля известно слишком мало для обоснованной оценки боевой готовности его ядерных сил; этот вопрос не обсуждался в ходе встречи в Ивердоне.

Можно спорить, что при определенных региональных сценариях возможна гонка возврата к прежним высоким уровням боевой готовности в период кризиса. У наблюдающих друг за другом противников может возникнуть соблазн вмешаться в процесс восстановления боеспособности другой стороны, даже с применением обычных видов вооружений. Сохранение

боеспособности техники, систем командования, управления и связи, а также ключевого кадрового состава становится важным в таких случаях. Однако подобный взгляд на стабильность в кризисной ситуации снижает роль более политической точки зрения региональных игроков на ядерные вооружения (сдерживание и возможность торга, в том числе при участии внешних сил), которая противопоставляется точке зрения, подчеркивающей военное значение ЯО в период кризиса или конфликта.

Краткое обсуждение практики боевой готовности ядерных сил других ядерных держав показало ее четкое отличие от практики ядерных сил России и США после окончания холодной войны. Предметом обсуждения стало то, насколько такое отличие можно объяснить отсутствием потенциала ведения ядерной войны или иной оценкой безопасности в новую эпоху. В частности, в случае с Китаем также обсуждался вопрос, вытекает ли кажущаяся отличной практика боевой готовности из иного толкования ядерной доктрины. Создалось впечатление, что ядерные доктрины и практикуемые подходы к уровням боевой готовности различных ядерных держав нельзя рассматривать сами по себе, их необходимо оценивать как части большего целого. У одного российского эксперта возникло ощущение, что хотя Соединенные Штаты и Россия могут говорить об уникальности своего опыта и положения, на самом деле они просто стали заложниками своих морально устаревших стратегий, а для освобождения необходимы более широкая основа и подходы.

V. Современные подходы России и США

Как отмечалось выше, примерно 2 200⁸ боеголовок России и Соединенных Штатов находятся в состоянии повышенной боевой готовности на МБР и БРПЛ, что является наследием времен холодной войны, в частности стратегии нанесения ответного удара по предупреждению. Российские и американские эксперты склонны рассматривать вопрос понижения боевой готовности с точки зрения, во-первых, сдерживания и доктрины; во-вторых – оценки рисков, которые предполагается снизить путем понижения боевой готовности; в-третьих – стоимости или побочных эффектов от понижения боевой готовности и, наконец, более широких вопросов разоружения и стратегической стабильности.

8 Что может быть внутренним потенциалом сил, не обязательно повседневной практикой.

Российский взгляд

Сдерживание и доктрина:

Российские эксперты отмечают, что «нанесение ответного удара по предупреждению» особенно важно для России, основная часть боеголовок которой установлена на МБР шахтного базирования. Хотя у России имеются МБР на мобильных пусковых установках, по большей части они находятся в стационарных укрытиях, а потому могут стать легкой мишенью для первого удара. Российские эксперты отмечают, что, несмотря на обсуждения разнообразных путей понижения уровня готовности к пуску стратегических баллистических ракет, удаление боеголовок с ракет и хранение их в местах, удаленных от пунктов базирования ракет, считается основной. Прочие средства либо неэффективны, либо не дают возможности проверки, либо не обоснованы с технической точки зрения. При этом отстаивается мнение, что удаление боеголовок с ракет означает «лишение ядерных сил их основной роли – роли сдерживания».⁹

Однако, сторонники понижения боевой готовности, особенно в Соединенных Штатах, полагают, что зависимость России от нанесения оперативного ответного ракетного удара (в том числе по предупреждению) дает немалые основания для беспокойства в сложившихся обстоятельствах, когда радиолокационная сеть России дает лишь 15-минутное оповещение о нападении. Сторонники также полагают, что Россия может реализовать свои цели сдерживания противника от нападения, не прибегая к стратегии повышенной боевой готовности; на такую возможность указывает тот факт, что российские подводные лодки, оснащенные БРПЛ, по большей части находятся на стоянке в портах. Даже если эти подводные лодки более уязвимы для внезапного удара, чем лодки на боевом патрулировании, такое нападение в наше время маловероятно, а у России достаточно неуязвимых сил, которые можно рассредоточить для обеспечения ответных действий в период кризиса. Нет необходимости в большом количестве ракет в высокой степени готовности для того, чтобы обеспечить гарантированное выживание, тем самым удерживая противника от нападения.

9 Koltunov, General Victor (Ret.), Eugene Miasnikov, and Leonid Ryabikhin, "De-alerting: Decreasing the Operational Readiness of Strategic Nuclear Forces." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/RyabikhinKoltunovMiasnikov.pdf>.

Оценка риска:

Российские сторонники понижения боевой готовности ЯО утверждают, что нацеливание друг на друга ядерных вооружений в состоянии высокой боеготовности представляет немалый риск в то время, как Россия и Соединенные Штаты развивают стратегическое партнерство. Сочетание сил в состоянии боевой готовности, «ответного удара по предупреждению» и слабой системы раннего предупреждения увеличивает возможность случайной непреднамеренной ядерной войны. В более широком контексте, до тех пор, пока ядерное оружие в состоянии повышенной боевой готовности развернуто по принципу «ответного удара по предупреждению», российско-американские отношения будут враждебными и слабо развитыми.

Российские противники понижения боевой готовности утверждают, что системы двух стран не нацелены друг на друга, и что фактически высокий уровень боевой готовности не помешал сторонам развивать стратегическое партнерство. Ядерные вооружения находятся под строгим техническим и организационным контролем, исключающим возможность случайного или несанкционированного применения. «Вопрос возможности «случайной» ядерной войны сам по себе гипотетичен. Оба государства разработали и внедрили надежные организационные и технические меры, которые практически исключают нанесение ударов в результате несанкционированных действий персонала или террористов. Ядерные вооружения находятся под очень строгой системой управления, исключающей любую возможность непреднамеренного или несанкционированного применения и гарантирующей применение только при наличии должных санкций со стороны руководства государства».¹⁰

Более того, два государства предприняли двусторонние шаги по снижению ядерной угрозы: в 1963 году была создана горячая линия Вашингтон-Москва, в 1971 году подписано Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны, подписаны соглашения об уведомлении о пусках баллистических ракет перед их пуском, об учреждении Национальных центров по уменьшению ядерной опасности (НЦУЯО), в 1998 и 2000 гг. достигнуты договоренности о создании Совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения (ЦОД). В силу ряда объективных и субъективных сложностей (в том числе вопросов секретности) ЦОД так и не был введен в действие. Однако сама концепция остается актуальной. В дополнение к двустороннему обмену информацией, ЦОД также может охватывать пуски баллистических ракет и спутниковых ракет-носителей третьими сторонами.

¹⁰ Там же.

Стоимость понижения боевой готовности, сохранения боеспособности и стабильности в кризисной ситуации:

Российские противники понижения боевой готовности полагают, что соответствующие меры не только излишни, но могут возыметь отрицательные последствия: лишат ядерные силы их основной задачи – ядерного сдерживания – и таким образом отрицательно скажутся на стратегической стабильности. Понижение боевой готовности также может подорвать «боевой дух» персонала, обслуживающего ядерные вооружения, а с экономической точки зрения повлечет немалые расходы.

Оружие с пониженной боевой готовностью в хранилищах станет заманчивой целью для первого удара, в том числе с использованием обычных видов оружия. Повышение возможностей точечных ударов до точности в несколько десятков метров подразумевает, что ракеты Trident можно применять для ударов по любой точке мира в течение часа; динамика точности подразумевает, что взаимосвязь между обычными и ядерными силами и дальше будет укрепляться со временем. При понижении боевой готовности «сторонам придется разработать меры обеспечения быстрого восстановления боеспособности стратегических сил в случае возникновения конфликтов (подготовка резервного транспорта, дорог, вспомогательной инфраструктуры, персонала и т.п.). Такие меры повлекут за собой дополнительные расходы, но, что более важно, невозможно исключить возможность того, что сроки восстановления боеспособности будут разными для двух сторон. Та из них, которой первой удастся вернуться в состояние боевой готовности, получит преимущество и может воспользоваться возможностью первого удара, что очевидно приведет к крайне опасной ситуации. Иными словами, понижение боевой готовности может спровоцировать опасную гонку восстановления боеспособности, что в свою очередь может привести к худшему положению, чем то, которое сложилось до понижения готовности к удару. Обеспечение симметричности (равных сроков восстановления боеспособности) и одновременная реализация мер контроля – задача практически неразрешимая. Более того, невозможно исключить превентивные меры со стороны противника (отвлекающий удар, диверсия), которые затруднят быстрое восстановление боевой готовности ракетных комплексов. Также существуют проблемы, связанные с исключением возможности скрытого восстановления состояния боевой готовности сил».¹¹

С другой стороны, приводились аргументы в пользу того, что опасения, связанные с физическим отделением боеголовки и систем доставки, снимаются, если ядерные силы могут

¹¹ Там же.

сохранить свою боеспособность. Более того, меры по снижению боевой готовности необязательно должны отличаться транспарентностью, которая имела бы большое значение в снижении рисков повышенной боеготовности и некоторых из рисков, которые так беспокоят противников понижения боевой готовности. Предполагаемые последствия понижения боевой готовности для «боевого духа» расчетов ракетных комплексов требуют дополнительного рассмотрения. Как отметил один из экспертов, его опыт общения с экипажами В-52 и ракетных комплексов показывает, что понижение боевой готовности поднимет «боевой дух».¹² Привязка понижения боевой готовности ядерных сил к сокращению обычных вооружений может скорее нанести вред, поскольку для подготовки нападения с использованием обычных видов вооружений требуются месяцы по сравнению с ядерными ударами. Опасения, связанные с возможностью нанесения ударов с использованием обычных видов вооружений по ракетам с ядерной боевой частью, могут быть преувеличены. «Как безрассудно было бы со стороны США произвести удар по ядерным ракетам обычными ракетами, в том числе крылатыми!».¹³ И последнее, опасность гонки повышения боевой готовности также может преувеличиваться, если: 1) определенная часть стратегических сил сохраняет боеспособность, а также 2) не все меры понижения боевой готовности прозрачны.

Понижение боевой готовности, разоружение и стратегическая стабильность:

Российские эксперты полагают, что «если цель заключается в дальнейшем укреплении международной безопасности и стратегической стабильности, необходимо прийти к равноправному соглашению о дальнейших необратимых и более глубоких сокращениях ядерных арсеналов США и России. Подобная договоренность должна основываться на принципе равенства и одинаковой безопасности и охватить меры по укреплению доверия, обеспечению прозрачности и предсказуемости, осуществлению контроля и прочие элементы всеобъемлющих соглашений. Если удастся прийти к такому соглашению, меры по понижению боевой готовности могут сыграть положительную роль в качестве промежуточного шага на пути к уничтожению стратегических вооружений, сокращение которых предусмотрено соглашением».¹⁴ У России

12 Feiveson, Harold. Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: http://www.ewi.info/system/files/Feiveson_Harold.pdf.

13 Там же

14 Там же

и Соединенных Штатов есть возможность «перезагрузить» отношения, и президенты двух стран согласились провести переговоры о новом договоре по СНВ, который Россия будет рассматривать в контексте планов США по дальнейшему расширению системы ПРО и ее развертыванию в Европе. Понижение боевой готовности может стать полезным промежуточным шагом в уничтожении стратегических вооружений, охваченных таким соглашением, но не должно быть самоцелью.

Вкратце, большинство российских экспертов полагают, что основной задачей должно быть сохранение стратегической стабильности. Не стоит путать снижение ядерной угрозы с понижением боевой готовности – это два разных, хотя и взаимодополняющих понятия. Таким образом, хотя российские эксперты не отвергают идею понижения боевой готовности в принципе, они убеждены, что реализовать ее следует на определенных принципах, а именно сохранения стратегической стабильности, равенства и одинаковой безопасности. Также целесообразно поэтапное осуществление процесса: на первом этапе – принятие мер по понижению боевой готовности Россией и Соединенными Штатами, на более поздних этапах – принятие соответствующих мер Китаем, Францией, Великобританией и другими ядерными державами. Одновременно могут потребоваться изменения доктрин во всех ядерных державах, а региональным неядерным государствам, возможно, придется подтвердить свои обязательства в сфере нераспространения ядерного оружия.

Взгляд США

В различных американских точках зрения, высказанных в ходе выполнения проекта, можно выделить несколько общих моментов. Во-первых, американские эксперты убеждены, что понижение боевой готовности – вопрос политический, решение которого нельзя передать тем, кто ежедневно работает с ядерными вооружениями. В его основе – сохранение боеспособности с целью поддержания ядерного сдерживания; при этом, как обеспечивается сохранение боеспособности (оперативным ли реагированием или иными средствами) – выбор политический. Во-вторых, совместные действия, главным образом, обмен информацией, могут сыграть важную роль в снижении ядерной угрозы, начиная с двусторонних российско-американских отношений. В-третьих, ключевой вопрос на сегодня – не столько случайная ядерная война, сколько увеличение сроков принятия решения для политиков, в эпоху, когда нет необходимости в поспешных действиях.

Сдерживание и доктрина:

В период холодной войны часть ядерных сил Соединенных Штатов пребывала в состоянии повышенной боевой готовности в целях отражения советского нападения до того, как первые ядерные удары поразят ядерные силы США или центры командования и управления. При этом полагалось, что такая стратегия укрепляет стабильность в кризисной ситуации и сдерживает противника от нападения. Некоторые американские эксперты утверждают, что даже в годы холодной войны подобная стратегия не подразумевала автоматический быстрый удар Соединенными Штатами. Учитывая тот факт, что большая часть ядерных сил США находилась на неуязвимых подводных лодках, президент мог позволить себе дожидаться подтверждения взрыва боеголовок на американской земле или даже завершения нападения для нанесения ответного удара. В то же время, согласно этой точке зрения, российско-американские двусторонние отношения недостаточно изменились после 1991 года, чтобы привести к пересмотру основ ядерного сдерживания между двумя странами. Поэтому вместо того, чтобы просто вывести оружие из состояния боевой готовности, обеим сторонам необходимо выработать определенную политику и разработать механизмы изменения политических и военных отношений, что в свою очередь упростит решение задачи понижения боевой готовности.

Американские сторонники понижения боевой готовности, с одной стороны, приводят аргумент в пользу того, что соответствие российско-американской конфигурации развертывания ядерных сил требованиям стабильности сдерживания вызывает сомнения.

«Институализированная политика в Соединенных Штатах на данном этапе предусматривает бесконечное продолжение морально устаревшей практики применения ядерных сил, согласно которой американские силы сдерживания:

- Систематически готовят планы массированных нападений, независимо от каких-либо непосредственных обстоятельств возможного применения;
- Ориентируют эти планы нападений преимущественно против вооруженных сил России и Китая;
- Содержат тысячи единиц вооружений в состоянии боевой готовности и быстрой доступности с тем, чтобы поразить основные цели.

Давно было признано, что эти силы технически и управленчески настроены для нанесения упреждающего удара, несмотря на обусловленное официальной доктриной сдерживания обязательство нанесения ответного удара. Основная причина заключается в том, что лежащие в основе планов нападения первоочередные цели нанесения контрсилового удара можно достичь лишь в том случае, если подавляющее большинс-

тво конкретных миссий – упреждающие по своему характеру. Учитывая неравенство в объемах инвестирования, способность Соединенных Штатов наносить упреждающий удар будет постоянно расти, вынуждая Россию все в большей степени полагаться на оперативное реагирование силами сдерживания и даже на предвосхищение нападения с тем, чтобы добиться уверенности в том, что американский упреждающий удар не станет решающим».¹⁵

Третья американская точка зрения на понижение боевой готовности предполагает, что «пока суверенные государства не могут прийти к согласию по мерам, которые приведут к гарантированному уничтожению всего ядерного оружия в мире, государства, обладающие таким видом оружия, будут рассматривать его в контексте обеспечения безопасности – как минимум, в качестве средства сдерживания от применения ядерного оружия против своей страны и своих союзников. Создается впечатление, что... неизбежное естественное последствие такого предположения заключается в том, что страны, обладающие ядерным оружием, будут рассматривать его как неременное условие гарантирования сдерживания, и что у них есть возможность фактически применить ЯО в случае крайней необходимости».¹⁶ Любые описанные меры по понижению боевой готовности необходимо оценить с точки зрения полного спектра проблем, которые представляет ЯО, и целей, которым оно служит. Вместо обычного «каталога» мер, главным образом направленных на понижение «оперативной готовности», следует сосредоточиться на мерах, которые послужат задаче снижения вероятности непродуманного применения ядерного оружия, например, «такого изменения стратегии и планирования, которое устранило бы концептуальную зависимость от любой формы применения ЯО за исключением ответного удара на ядерное нападение».¹⁷

Оценка риска:

Угроза применения ЯО в ситуациях, когда оно (применение) было непреднамеренным или ошибочным, может возникнуть вследствие:

15 Steinbruner, John. "Reframing De-alert." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Steinbruner.pdf>.

16 Slocombe, Walter. "De-alerting: Diagnoses, Prescriptions and Side Effects." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Slocombe.pdf>.

17 Там же.

- Технического сбоя: совершенная случайность – что-то выходит из строя на техническом уровне и приводит к несанкционированному пуску и взрыву ЯО;
- Нарушения мер по обеспечению хранения: захват и применение оружия психически нездоровым лицом, группой военных изменников, террористической организацией или враждебным государством;
- Информационного сбоя: ошибочное убеждение в том, что совершено нападение, приводит к санкционированному, но ошибочному решению нанести ответный удар;
- Сбоя в нанесении ответного ядерного удара: приказ о нападении и его исполнение происходят слишком быстро и без адекватного рассмотрения предположения – возможно справедливого, а может ошибочного – о том, что нападение другой стороны совершено (в случае ОВУ) или неизбежно (в случае ответного удара по предупреждению);
- Кризисного сбоя: осознанное, основанное на информации, санкционированное, но глубоко ошибочное решение применить ядерное оружие в результате цикла нарастания действий и реакции в период кризиса.

Техническая проблема «спускового крючка со слабым нажатием» если и существует, требует ремонта спускового механизма путем укрепления предохранительного устройства, не ослабляя при этом сдерживающий потенциал ядерных сил. «Образ «спускового крючка со слабым нажатием» подразумевает, что даже незначительная ошибка – сродни толчку пистолета – приведет к выстрелу... Ядерное оружие США скорее напоминает пистолет в кобуре, не снятый с предохранителя, чем пистолет со спусковым крючком со слабым нажатием, а потому... в случае ЯО «предохранитель» хранится под кодовым замком, который можно открыть, а пистолетом выстрелить только в том случае, если солдат, у которого находится этот пистолет, получит сообщение с кодом от вышестоящего командира. С 60-х гг. XX века США предприняли ряд мер по обеспечению невозможности подрыва своего ЯО без получения внешней информации и должным образом проверенного на подлинность приказа использовать эту информацию. Такие устройства – предохранительные устройства ядерного боеприпаса, ПУЯБ – фактически представляют собой комбинацию замков, благодаря которым оружие хранится под замком и его детонация невозможна до тех пор, пока ударно-спусковые механизмы оружия не будут открыты по получении операторами серии цифр от вышестоящей инстанции. Что не менее важно в контексте военного подразделения, пуск ЯО (в т.ч. введение комбинаций) разрешается только в случае должной санкции, полученной в приказе, подлинность которого установлена. Это сочетание зависимости от дисциплины и порядка, а также получения кода открытия, которым не обладают ответственные за пуск военнослужащие, призвана

обеспечить надежность системы, поскольку какие бы ошибки не имели место, они не станут причиной ядерного взрыва».¹⁸

В то же время, необходимо отметить, что система предохранителей под кодовыми замками требует практически неуязвимой сети принятия решения и коммуникаций с операторами. В противном случае будет возникать необходимость ранней передачи кодов, а их введение будет зависеть от приказа к исполнению на более позднем этапе или, что представляет еще большую опасность, предварительной передачи полномочий отдавать приказ к исполнению. Какими бы ни были пробелы в требовании получения информации извне, единственное средство – восполнить их. Более высокая степень прозрачности в отношении порядка командования и управления, сотрудничество в сфере технологий управления также могут стать важным вкладом в снижение рисков технических сбоев.

Проблему хранения можно решить с помощью нового поколения устройств предотвращения взлома, разработанных Соединенными Штатами, в то время как решение вопросов информационного сбоя лежит в механизмах сотрудничества по обмену информацией (предложенный российско-американский центр обмена данными). Третью проблему «ответного ядерного удара» можно решить с применением двойного технического-стратегического подхода. «Адекватный – с точки зрения вооруженных сил и безопасности – ответ на проблему ответного ядерного удара – не пытаться сделать такой удар физически невозможным, но предпринять два взаимоукрепляющих шага, технический и стратегический, которые исключают необходимость удара. Технический шаг – устранить уязвимость путем такой разработки и эксплуатации ядерных сил, которая даст уверенность жертве нападения в том, что у нее есть эффективные варианты действий после того, как она выдержит нападение. Стратегический шаг – установить четкую стратегию отказа от зависимости от ОВУ (и тем более от нанесения ответного удара по предупреждению) и требующую от вооруженных сил построения планов и сил в соответствии с этим принципом».¹⁹ Может показаться парадоксальным, но ключевой момент в решении проблемы кризисного сбоя – это исключение необходимости подготовки к применению ЯО (которую обусловит «понижение боевой готовности» на предыдущем этапе) или, по меньшей мере, обеспечение того, что такая подготовка не оказывает решающего влияния на развитие кризисной ситуации. Согласно еще одной американской точке зрения,²⁰ проблему

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Woolf, Amy, "Nuclear Force Posture and Alert Rates: Issues and Options." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Woolf.pdf>.

поспешной ответной реакции, которая более остро стоит перед Россией в силу ее все еще совершенствующейся системы раннего обнаружения, необходимо решать не путем изменения стратегии развернутых вооружений, а путем изменения характера процесса принятия решений с целью его замедления. Вместо понижения боевой готовности основное внимание необходимо уделить преобразованию российско-американских отношений и более активному обмену информацией. Дополнительные каналы связи и обмен данными раннего обнаружения могут стать долгосрочной целью увеличения сроков принятия решения. Подобные меры могли бы способствовать снятию подозрений о ядерных планах и программах, снижению стресса при необходимости оперативной реакции на неподтвержденные оповещения, а также укреплению доверия между двумя государствами.

Однако американские сторонники понижения боевой готовности придерживаются точки зрения, что постоянное нахождение большого количества сил в повышенной боевой готовности, запрограммированных на массированный удар, увеличивает возможность случайности, которая может привести к катастрофическим последствиям. Аргументы в защиту безопасности стратегических систем недостаточно убедительны. Эти системы – как «обитатели зоопарка, которые никогда не охотились на воле». Недавние финансовые неурядицы показывают, как внешне рациональное поведение взаимосвязанных лиц и организаций может выйти из-под контроля. Более того, рассредоточенная конфигурация сил согласно морально устаревшим стратегиям упрощает террористам доступ к ядерным средствам.²¹

Стоимость понижения боевой готовности, сохранение боеспособности и стабильность в кризисной ситуации:

Некоторые эксперты из США разделяют точку зрения своих российских коллег в отношении возможных нежелательных побочных эффектов понижения боевой готовности. Хотя есть меры, которые можно и нужно предпринять с целью снижения рисков непреднамеренного, несанкционированного, случайного или непродуманного применения ЯО, некоторые из шагов, рекомендуемых во имя понижения боевой готовности, нецелесообразны с точки зрения снижения этих самых рисков, особенно в период кризиса. «В частности, хотя шаги могут быть направлены на решение аспектов проблемы управления ядерными арсеналами в мирное время, эти же меры могут привести к более

опасной ситуации в других отношениях, которые, по меньшей мере, возможно, более важны, поскольку среди прочего разрушают возможности ограничения в период кризиса».²²

Пока существует понимание того, что ядерное оружие обеспечивает преимущества в сфере безопасности, страны, обладающие таким видом вооружений, будут рассматривать его как существенный элемент сдерживания, который можно фактически применить в качестве крайней меры. Поэтому у предложений по понижению боевой готовности, которые в качестве побочного эффекта приводят к физической невозможности применения ЯО, шансы на успех невелики. «Может показаться парадоксальным, но лучший способ предотвратить усугубление кризиса вследствие подготовки к применению ЯО – устранить необходимость или хотя бы принципиальное воздействие таких приготовлений. Опасность подобной мобилизационной гонки обусловлена страхом того, что проигравший окажется в решительно невыгодном положении. Если, однако, государство уверено, что никакая мобилизация прочих стран не приведет к существенному преимуществу, процесс мобилизации будет представлять гораздо меньшую опасность».²³

С этой точки зрения, повышение боеспособности ядерных сил и особенно связей с ними в сфере командования, управления и коммуникаций приобретает первостепенную важность. Осуществить эту задачу можно одновременно с другими шагами. Такими другими шагами может быть усовершенствование порядка обеспечения управления ядерными силами, совместные меры – на первоначальном этапе американо-российские, с постепенным вовлечением третьих ядерных держав – в сфере обмена информацией о событиях, которые могут быть неверно истолкованы; изменение системы с целью повышения возможностей государств справляться со случайными, несанкционированными или ошибочными пусками – в том числе механизмы подрыва по команде и ограниченные системы ПРО; а также пересмотр военной доктрины и планирования с целью устранения концептуальной зависимости от любой формы применения ЯО за исключением случаев ответного удара на ядерное нападение.

Согласно еще одной точке зрения, основная причина, по которой дипломатические попытки понижения боевой готовности пока не предпринимались, заключается скорее в основах политики безопасности, нежели в стоимости или побочных эффектах предложений по понижению боевой готовности. Нельзя ожидать от организаций, эксплуатирующих и обслуживающих ядерные силы, что они выступят в качестве

21 Steinbruner, John. "Reframing De-alert." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Steinbruner.pdf>.

22 Slocombe, Walter. "De-alerting: Diagnoses, Prescriptions and Side Effects." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Slocombe.pdf>.

23 Там же.

инициаторов такого процесса, требующего пересмотра основных задач обеспечения безопасности, принципов эксплуатации и сформированных институтов, выходящего далеко за рамки их полномочий. Политическое руководство молчаливо уступило в таком организационном противостоянии, но оно может и должно изменить курс, поскольку заключенная в существующей стратегии опасность и отдаленно не вписывается в обоснование ядерного сдерживания в сложившихся политических обстоятельствах. Имеющиеся в распоряжении тысячи единиц оружия с программным управлением отражают намерение скорее упредить, чем сдерживать. Такое намерение упредить с помощью тысяч, а не сдерживать с помощью десятков единиц оружия никогда не будет легитимным с глобальной точки зрения. В отношении так называемой «гонки повышения боевой готовности», конкурентной мобилизации можно воспрепятствовать, если обе стороны обладают жизнеспособными силами, которые могут обеспечить функцию сдерживания. Такие силы могут оставаться в состоянии низкой боевой готовности в любое время и при этом не отказываться от своей сдерживающей роли.

Понижение боевой готовности, разоружение и стратегическая стабильность:

Некоторые полагают, что выведением ядерных вооружений из состояния боевой готовности Соединенные Штаты и Россия продемонстрируют другим государствам, что ядерное оружие играет не такую важную роль в стратегиях национальной безопасности двух стран. Сторонники такого взгляда добавляют, что это также поможет в дальнейшей реализации целей нераспространения ядерного оружия, поскольку убедит других в возможности обеспечения безопасности без ядерного оружия. Более того, такую меру можно рассматривать как шаг на пути к миру без ядерного оружия, поскольку проще деактивировать, а в конечном итоге и уничтожить ЯО, когда оно не рассматривается как критический элемент стратегий безопасности США и России.²⁴

Сторонники понижения боевой готовности говорят, что Соединенным Штатам и России следует постепенно и систематично вывести уже изготовленное оружие из состояния боевой готовности, чтобы обеспечить его хранение отдельно от систем доставки в условиях, поддающихся инспекционному контролю. Также необходимо договориться о международной идентификации и постоянном мониторинге, которые на этапе полного развития обеспечат основу для точной отчетнос-

ти. Общий объем запасов вооружений государств необходимо существенно сократить до уровня ниже массового уничтожения населения, а также необходим категорический запрет на применение на первоначальном этапе или на угрозу применения ЯО в любых целях. Также, соответственно, необходимо запретить применение на первоначальном этапе обычных видов вооружений в любой наступательной акции. Подобные шаги направят меры по понижению боевой готовности ЯО в русло разоружения. В этой связи на Соединенные Штаты также возлагается основная ответственность за то, чтобы выступить с политической инициативой по трансформации отношений в сфере безопасности с Россией, а в перспективе и с Китаем, от конфронтации к сотрудничеству.

Согласно другой точке зрения, хотя понижение боевой готовности, возможно, и не приведет к прямым преимуществам, более широкие и символические меры могут содействовать работе по нераспространению ЯО. «У многих аналитиков возникают сомнения, повлияют ли изменения ядерной стратегии США и России на планы других государств, пытающихся заполучить ЯО, поскольку эти попытки предпринимаются с целью решения собственных проблем в сфере безопасности, а не в подражание Соединенным Штатам или России. Однако все больше опубликованных материалов приводят доводы в пользу того, что поддержка политике США по нераспространению ядерного оружия со стороны государств, которые, возможно, и не стремятся обладать ЯО, более вероятна, если Соединенные Штаты в своей политике и программах продемонстрируют, что отводят меньшую роль и значение своим ядерным вооружениям».²⁵

VI. Взгляд неядерных государств

Неядерные державы убеждены, что сложившимся стратегиям повышенной боевой готовности присущи определенные риски. Эксперты этих государств по большей части разделили опасения, высказанные в ходе реализации проекта американскими и российскими сторонниками понижения боевой готовности. Существует проблема происшествий «маловероятных, но с большими последствиями», хорошо известных в финансо-

24 Blair, Bruce G. "De-alerting Strategic Forces," Reykjavik Revisited: Steps Toward a World Free of Nuclear Weapons, complete report of 2007 Hoover Institution conference (Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2008).

25 Woolf, Amy, "Nuclear Force Posture and Alert Rates: Issues and Options." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Woolf.pdf>.

вых кругах. А ряд случаев, вызывающих крайнее беспокойство, уже был задокументирован. «Порядок нанесения ответного удара по предупреждению» означает, что при оповещении системами раннего обнаружения о чем-то, напоминающем ядерное нападение, в распоряжении ответственных лиц очень мало времени для принятия решения о нанесении ответного удара. Сегодняшняя обстановка после окончания холодной войны никоим образом не обосновывает такой высокий уровень боевой готовности, а неядерным государствам становится все сложнее принимать неразрывно связанные с ним риски. Понижение уровня боевой готовности ядерных вооружений, несомненно, снижает и риски непреднамеренного удара, вызванного техническими сбоями, случайностью или террористическими актами. Понижение уровня боевой готовности сведет к минимуму вероятность случайной ядерной войны в результате ошибочной интерпретации действий нападающей стороны. Более того, понижение боевой готовности станет столь необходимой мерой укрепления доверия не только между теми ядерными державами, которые поддерживают боевую готовность ЯО на уровне холодной войны, но также и между ядерными и неядерными государствами. В этом смысле понижение боевой готовности станет очень желанным шагом накануне предстоящей в 2010 году Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия.

Неядерные государства, например, такие как те, что выступили инициаторами резолюции 63/41 Генеральной Ассамблеи ООН, полагают, что у них есть законный интерес в вопросе боевой готовности ЯО, а потому этот вопрос вызывает беспокойство не только ядерных держав. Понижение уровня готовности существующих систем содействует формированию мира без ядерного оружия и снижает риск случайных или несанкционированных ударов, которые могут привести к катастрофическим последствиям, в том числе для неядерных государств. С этой точки зрения понижение боевой готовности связывается с ядерным разоружением, то есть может трактоваться как «ментальное разоружение» и является ключевым шагом в процессе снижения роли ЯО. Понижение боевой готовности также увеличивает сроки применения ЯО, в результате чего ядерные вооружения становятся оружием последней инстанции. Поскольку понижение боевой готовности было одним из 13 практических шагов, согласованных ядерными державами и неядерными государствами в ходе состоявшейся в 2000 году обзорной Конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия, вопрос необходимо рассматривать как часть «сделки» по ядерному разоружению и нераспространению ЯО, а также по общим обязательствам в рамках статьи VI Договора о нераспространении ядерного оружия. Все государства заинтересованы в том, чтобы предотвратить нарушение ДНЯО, а понижение боевой готовности ЯО укрепляет договор путем повышения доверия к документу.

Неядерные государства признают, что определенные шаги были предприняты с целью понижения боевой готовности ядерных вооружений и снижения риска случайной, несанкционированной или поспешной ответной реакции. Хотя некоторых убеждают утверждения ядерных держав о том, что ничего не может случиться с развернутыми системами, кто-то скептически относится к такой заявленной уверенности, поскольку в них задействован человеческий фактор и сложные технологии. Нет безотказных технических систем, никто не застрахован от ошибок, а потому вероятность случайного или несанкционированного удара не является нулевой. Если ядерные державы считают системы ядерных вооружений такими надежными, почему время от времени возникала необходимость в их усовершенствовании, а также в совместных мерах (как в случае договоренности о ЦОД)? Не лишней была бы прозрачность в отношении того, какие системы существуют для снижения ядерной опасности, и насколько они устойчивы к ошибкам. Не помешала бы и возможность решения вопроса боевой готовности ЯО в рамках переговорного процесса по Договору СНВ. Хотя неядерные государства и приветствуют процесс сокращения ядерных вооружений, сам по себе он для них недостаточен. В дополнение к этому количественному процессу им хотелось бы увидеть процесс качественный. Также высказывается пожелание более глубокого диалога между ядерными державами и неядерными государствами по данному вопросу.

Понижение боевой готовности ядерных вооружений убедит неядерные государства в том, что доктрины безопасности не развиваются в направлении повышения значимости ядерных вооружений. Обеспечение выведения ЯО из состояния боевой готовности, в то время как весь мир работает над полным уничтожением ядерных арсеналов, поможет укрепить уверенность в снижении ядерной угрозы и станет большим плюсом для коллективной безопасности. Понижение боевой готовности ЯО также поможет в выполнении двусторонних соглашений об ограничении вооружений, переговоры о которых недавно возобновились. Почти через 20 лет после окончания холодной войны работа в этом направлении очень своевременна и целесообразна. Как некоторые ядерные державы показали в 90-х гг. XX века, эту работу можно выполнить в сравнительно короткие сроки, а стоимость будет ниже, чем содержание систем в повышенной боевой готовности. Дальнейшие шаги в этом направлении также незамедлительно принесут положительные результаты, независимо от того, будут ли они построены на двусторонних договоренностях или более амбициозно – на многосторонней основе.

Эксперты неядерных государств убеждены, что резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по понижению боевой готовности ЯО – узконаправленный инструмент по сравнению с предложениями в защиту полного ядерного разоружения, и что ядерные державы блажелательней рассматривают это

резолуцию. Проблему понижения боевой готовности ЯО можно рассматривать и в рамках задачи по поддержанию выживаемости ядерных сил, а это значит, что меры по понижению боеготовности не будут восприниматься как подрывающие ядерное сдерживание или стратегическую стабильность.

VII. Преодоление препятствий и устранение разногласий

Российские и американские эксперты определили три вида препятствий на пути к дальнейшему понижению уровня боевой готовности ядерных вооружений. Во-первых, военным и политическим отношениям не хватает доверия. Российские эксперты утверждают, что подобные отношения доверия сложились между Соединенными Штатами, Великобританией и Францией – союзниками по НАТО – но не между США и Россией или Китаем. Во-вторых, существуют принципиальные разногласия в ядерной политике и стратегии; Россия и США могут не согласиться ограничить свой ядерный потенциал, если ощущают, что могут подвергнуться нападению с применением обычных видов вооружений. Аналогично Пакистан может не согласиться изменить свою ядерную политику, пока перевес в обычных видах вооружений сохраняется на стороне Индии, как не согласится на это и Израиль в силу региональных проблем. Третий вид преград – технические. МБР по определению сконструированы для содержания в повышенной боевой готовности, а потому снижение их готовности, в зависимости от выбора мер, может оказаться дорогостоящим и чревато негативными последствиями. Для примера, настоящие ядерные боеголовки, возможно, придется заменить электрическими макетами в целях мониторинга и контроля за исправностью систем ракеты; также должна быть возможность возврата в состояние боевой готовности в разумные сроки.

В отношении первого вида преград, в ходе обсуждений отмечалось, что в начале 90-х гг. XX века Россия воспринимала предложения по понижению боевой готовности в свете экономических трудностей тех лет, а также слабой переговорной позиции по вопросам соглашений об ограничении стратегических наступательных вооружений. Последние рассматривались в качестве преимущества для Соединенных Штатов, например, в виде положений, разрешающих произвольное снятие с боевого дежурства или приведение в состояние боевой готовности тяжелых бомбардировщиков. Подобные нега-

тивные положения усугублялись разногласиями по вопросам расширения НАТО, Договора по ПРО и применения высокоточного оружия во времена администрации президента Клинтона. Многим в России «понижение боевой готовности» представлялось частью ряда хорошо скоординированных мер по лишению страны ее потенциала ядерного сдерживания. Срыв стратегического диалога и постепенное смещение доктрины США к все большей зависимости от обычных видов вооружений во времена президента Буша только укрепили эту точку зрения, согласно которой понижение боевой готовности приведет к усилению роли крылатых ракет, бомбардировщиков, обычных видов вооружений, систем противоракетной обороны (при этом активная оборона выполняет ту же функцию, что и средства нанесения контрсилового удара после нанесения ответного удара), а также в перспективе оружия в околоземном космическом пространстве. Так прогресс в вопросе понижения боевой готовности был поставлен в зависимость от более широкого контекста двусторонних политических и военных отношений.

Широкий контекст политических и военных отношений с Россией остается важным и для Соединенных Штатов, как показали соглашения, подписанные в ходе визита президента Б. Обамы в Москву в июле 2009 года. Возобновление переговоров по ограничению вооружений по договору, призванному заменить истекающий в декабре 2009 года Договор СНВ-1, играет важную роль в реорганизации двусторонних отношений.

Это также наглядно подтверждает существенный факт того, что успешное понижение боевой готовности стратегических систем в Соединенных Штатах и России невозможно без постоянного диалога по вопросам безопасности и ограничения стратегических наступательных вооружений. Такой диалог укрепляет доверие и упрощает переоценку сложившихся взглядов и доктрин, обуславливающих высокую боевую готовность систем ядерных вооружений. Также, по принципу «круга благоразумия», понижение боевой готовности планируемых к сокращению видов вооружений может в свою очередь сыграть роль меры по укреплению доверия в процессе глубокого сокращения, как и действия по реализации ранее достигнутых договоренностей по обмену данными от систем раннего предупреждения и рассмотрению иных аналогичных шагов по снижению риска случайных и несанкционированных пусков ракет.

Второй вид препятствий главным образом относится к различиям в представлениях о том, «что именно является фактором сдерживания». Все, что рассматривается с точки зрения возможного ослабления сдерживания, скорее всего, будет отвергнуто. Таким образом, если есть убеждение в том, что сдерживание обеспечивается большим количеством развернутых ядерных вооружений в состоянии боевой готовности, физические меры, в результате которых применение ЯО станет

практически невозможным, не найдут понимания. По иронии модернизация Россией своих внушительных сил БРПЛ и мобильных наземных комплексов может помочь уменьшить упор на сохранение возможности ответно-встречного удара, которым обладают силы, подверженные риску первого удара. Даже если России будет не просто отказаться от стратегии ответно-встречного удара, Соединенные Штаты могут в одностороннем порядке разработать доктрину, не требующую или даже не рассматривающую ответно-встречный удар, хотя физические возможности для реализации такой доктрины останутся до тех пор, пока Россия также не откажется от этого подхода. Такие изменения помогут преобразовать доктрину и планирование таким образом, чтобы избежать концептуальной зависимости от любой формы применения ЯО, за исключением ответного удара на ядерное нападение. Таким образом, они устранят два первых варианта ядерного удара из трех возможных – упреждающего, ответно-встречного и ответного.

Сохранение боеспособности или выживаемость ядерных сил – ключевой вопрос, фактор, благодаря которому понижение боевой готовности может стать возможным. Если ядерные силы обладают высокой неуязвимостью, они могут постоянно пребывать в низкой боевой готовности и при этом не терять свою роль сдерживания. Более того, государства с неуязвимыми ядерными силами могут позволить себе не принимать участия в возможной гонке повышения боевой готовности. Проблема заключается в том, что в российско-американском контексте сохранение выживаемости и боеспособность главным образом достигаются путем оперативного реагирования. По мере сокращения арсеналов, вероятность случайных пусков в силу человеческого фактора или технического сбоя, как и вероятность несанкционированных пусков, будет падать благодаря сокращению численности взаимодействующих элементов всей системы. Однако сохранение выживаемости и боеспособности сил станет ключевым вопросом, поскольку не только пусковые установки, но и базы хранения будут уязвимы для ударов обычным высокоточным оружием, саботажа и диверсий со стороны так называемых негосударственных субъектов. Некоторые из этих вопросов можно решать в одностороннем порядке, например, путем укрепления организационного контроля над оставшимися силами и путем повышения их выживаемости, но проблему нападения с применением обычных видов вооружения, возможно, придется решать в ходе двустороннего диалога.

Как отмечалось выше, соблазна повысить боевую готовность оставшихся систем или, по меньшей мере, желая удержаться на существующем уровне боеготовности можно избежать, если количественные сокращения сопровождаются изменениями в доктрине и планировании. Необходимо также помнить о том, что даже по мере повышения роли сохранения боеспособности при численных сокращениях ЯО экономичес-

кая и организационная цена вопроса обеспечения выживаемости и боеспособности также падает, а потому конечный результат, по-видимому, будет положительным. Таким образом, более высокая выживаемость может подразумевать меньшее сопротивление понижению боевой готовности.

В отношении третьей группы технических преград, которые главным образом относятся к МБР, возможно, что обсуждением этого вопроса занимались «не те люди»: «В прошлом вопрос понижения боевой готовности рассматривался, но при этом не тех людей просили разработать стратегию внедрения, которая должна охватить возможность возврата этих сил в состояние боевой готовности в разумные сроки. Задачу разработки технических протоколов понижения боевой готовности следует возложить на инженеров, которые занимались разработкой систем, а не на кадровых военных, эксплуатирующих эти системы. А этого не случилось».²⁶ Круг задействованных специалистов можно было бы расширить и также вовлечь конструкторов стратегических систем с тем, чтобы возможности понижения уровня боевой готовности были изначально конструкционно заложены в системах, особенно в МБР.

Если вопрос заключается в ресурсе времени для принятия решения, в дискуссии могли бы принять участие и специалисты по организационной теории, чтобы помочь предусмотреть в системе «резерв времени», который избавит ответственных лиц от необходимости спешить. Более того, если, к примеру, реализовать в Соединенных Штатах технические и организационные решения по снижению ядерных рисков, их можно было бы затем перевести на двустороннюю или многостороннюю основу. Следует учесть, однако, что привлечение других государств не будет простым или автоматическим. В дополнение к вопросам суверенитета, существуют вопросы, обусловленные секретностью систем и процедур командования, управления и принятия решений, стилей руководства и пр. Поэтому могут возникнуть озабоченности относительно возможного применения некоторых технических решений, предполагаемых для перевода на многостороннюю основу, например, методов уничтожения или фальсификации команд, которые можно использовать в качестве троянских коней. Тем не менее, обмен данными о проведении испытаний и пусков ракет через центры с совместным персоналом или под международным управлением, может стать первым приемлемым шагом, который укрепит доверие для реализации дальнейших мер.

²⁶ Habiger, General Eugene E. USAF (Ret.), "De-Alerting of Nuclear Forces: A Policy Imperative." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Habiger.pdf>.

Меры контроля, или их отсутствие, традиционно рассматривались как техническое препятствие к понижению боевой готовности. Высказывалась точка зрения, что контроль или даже прозрачность не столь важны для понижения боевой готовности.²⁷ Меры понижения боеготовности, осуществляемые в обязательном и поддающемся контролю порядке, повлекут за собой разработку методов быстрого повышения боевой готовности, видимых для других, что в свою очередь может привести к нежелательным последствиям в кризисной ситуации. Противники интрузивных мер контроля, основанного на узком техническом взгляде на понижение боевой готовности, однако, не возражают против мер укрепления доверия, например, обмена информацией.

С другой стороны, сторонникам контроля вселяет надежду повышение потенциала систем раннего предупреждения, в частности, спутниковых. Разрешение полученных такими системами изображений достигает уровня сантиметров, они могут обнаружить движение стратегических систем со значительной точностью и различить, например, сколько ступеней у ракеты: две или три. Информационные технологии также развиваются и позволяют, среди прочего, мгновенный обмен информацией о положении стратегических систем. В исследованиях корпорации РЭНД указывается, что датчики, установленные в ракетных шахтах США, могут обнаружить открытие шахт, запуск ракетных двигателей и в течение секунд отправить эту информацию в Россию. Контроль также можно применять в целях ограничения районов патрулирования подводных лодок. Подобные меры могут упростить понижение боевой готовности в духе сотрудничества. По мере того, как сокращается численность развернутых ядерных вооружений и понижается боевая готовность (см. Раздел II), может расти необходимость мер контроля и транспарентности. Таким образом, можно примирить две противоположные точки зрения на роль контроля. На первоначальном этапе контроль может быть минимальным, а по мере того как разоружение и понижение боевой готовности будут нарастать, роль контроля и транспарентности может укрепляться. Такой подход также поможет контролировать расходы на понижение боевой готовности.

Вопрос контроля также можно рассматривать с точки зрения того, насколько необходима тесная связь между понижением боевой готовности и разоружением. Сложные меры контроля могут привести к тому, что понижение боевой готовности ядерного оружия окажется в рамках процесса разоружения, что само по себе может стать преградой для

тех, кто рассматривает понижение боеготовности в качестве первого шага на скользком пути к уничтожению ядерного оружия. Сторонникам уничтожения ЯО понижение боевой готовности без контроля или прозрачности может представляться продлением влияния ядерного сдерживания и отвлекающим маневром от конечной цели уничтожения ядерного оружия. Связь между боевой готовностью и разоружением может таким образом оказаться палкой о двух концах. В зависимости от постановки вопроса, понижение боевой готовности ЯО может содействовать процессу разоружения, а может оказаться неадекватной или даже препятствующей разоружению заменой.

Что примечательно, дискуссии в ходе выполнения проекта показали, что существенных технических препятствий понижению боевой готовности ядерных вооружений нет. «Потому дилемма, попросту говоря, заключается в том, что понижение боевой готовности главным образом не является эксплуатационной необходимостью, а представляет собой решение, которое должны принять политики... а этого не случилось».²⁸ В случае с бомбардировщиками и подводными лодками, боевую готовность легко понизить, поскольку это – не их «естественное состояние». Понижение боевой готовности МБР, однако, – проблема более сложная, как, например, для Соединенных Штатов и России (но не для Китая в последние 30 лет): ракеты этих стран конструкционно рассчитаны на постоянное состояние высокой боевой готовности (пусковые системы находятся под напряжением, ракеты оснащены боеголовками). Однако инженерам-конструкторам лучше знать, что делать. Еще один важный вывод заключается в том, что «даже если бы Россия, США и прочие ядерные державы обладали надежными системами предотвращения случайного или несанкционированного пуска баллистических ракет, это все равно не снимет необходимость процедур понижения боевой готовности ракет».²⁹ Существуют преграды понижению боевой готовности, но уже давно пора приступить к самому процессу, для чего потребуются системный подход, охватывающий все аспекты управления ядерным оружием, в том числе политический.

27 Feiveson, Harold. Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: http://www.ewi.info/system/files/Feiveson_Harold.pdf.

28 Habiger, General Eugene E. USAF (Ret.), "De-Alerting of Nuclear Forces: A Policy Imperative." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Habiger.pdf>.

29 Esin, General Viktor (Ret.), "Crossing Obstacles and Implementation of De-alert Approach." Документ представлен на семинаре ИВЗ «К новому пониманию проблемы понижения боевой готовности ядерного оружия: вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России», 21-23 июня, Ивердон (Швейцария). В свободном доступе: <http://www.ewi.info/system/files/Esin.pdf>.

VIII. Заключение: к новой постановке проблемы и дальнейшие шаги

Задача настоящего проекта заключалась в том, чтобы придать новый импульс дискуссии по вопросу, пик актуальности которого пришелся на 90-е гг. XX века, но который вновь становится приоритетным в качестве средства снижения ядерной угрозы и приуменьшения роли ядерного оружия.

Результаты обсуждения в предыдущих разделах настоящего доклада свидетельствуют, что большое количество систем ядерных вооружений, особенно в случае с МБР наземного базирования, все еще находятся в состоянии высокой боевой готовности как в России, так и в Соединенных Штатах. Это – морально устаревшие стратегии времен холодной войны. Однако в тот период уровни боевой готовности не были неизменны, они повышались и снижались в зависимости от стратегической или оперативной обстановки. Как видно из дискуссии в разделе III доклада, уровни боевой готовности также различны в разных ядерных странах. Такое многообразие в пространстве и во времени, вселяет надежду, что боевую готовность можно понизить, если корректно поставить вопрос и создать необходимые политические и технические предпосылки, а также благоприятные условия в сфере безопасности.

Настоящий доклад также указывает на возможность консенсуса по ряду вопросов. Во-первых, уровни боевой готовности – это изъятие политической воли, а не predetermined военное или техническое условие. А потому при наличии политической воли их можно понизить. Во-вторых, понижение боевой готовности – понятие далеко не новое, ее уровни неоднократно повышали и снижали. В-третьих, существующие уровни боеготовности ядерных вооружений не соответствуют текущему состоянию российско-американских политических отношений, эти уровни сложились во времена холодной войны, в то время как отношения претерпели изменения. В-четвертых, существующим уровням боеготовности присущ элемент риска. Иначе меры по понижению боевой готовности ядерного оружия не стали бы предметом двустороннего обсуждения. В этом же контексте предпринимались попытки усовершенствовать системы информационного обмена между Россией и Соединенными Штатами. В-пятых, вне зависимости от результатов оценки рисков, повышение надежности и безопасности ЯО и увеличение сроков принятия решения считаются важными факторами. В-шестых, необходимо усовершенствовать обмен информацией между ядерными державами. В-седьмых, существует связь между вопросами понижения боевой готовности ЯО и ядерного разоружения. Эта связь наглядно прослеживается в Договоре

о нераспространении ядерного оружия, охватывающем 13 практических шагов. В-восьмых, выживаемость ядерных сил – важный инструмент понижения боевой готовности. Если ядерные силы имеют высокую степень выживаемости, можно увеличить сроки принятия решений и понизить уровень боевой готовности, не ослабляя при этом безопасность страны.

В то же время, существуют вопросы, по которым пока невозможно достичь согласия. Во-первых, некоторые считают «гипотетической» опасность случайного или несанкционированного применения находящегося на боевом дежурстве ЯО, в то время как другие полагают, что она не так мала, чтобы не поднимать этот вопрос. Во-вторых, хотя большинство признает необходимость действовать, взгляды на характер, временные рамки и последовательность таких действий расходятся. Есть мнение, что приоритетным следует считать улучшение политических отношений и количественные показатели разоружения, а понижение боевой готовности ЯО стоит отложить на более поздний этап. В то же время складывается ощущение, что над понижением боевой готовности ядерных сил необходимо работать одновременно с разоружением, как над мерой укрепления доверия. В-третьих, существует также ощущение того, что у понижения боевой готовности ЯО больше отрицательных побочных эффектов, чем преимуществ. Например, оно может стимулировать гонку повышения боевой готовности и таким образом ослабить стратегическую стабильность. Оно также может повысить технические риски и расходы, по сравнению с сохранением боевой готовности ядерных сил на сложившемся уровне. Кое-кто признает существование побочных эффектов, но не уверен, как они соотносятся с преимуществами «понижения боевой готовности» с точки зрения снижения ядерных рисков.

При изменении постановки вопроса о понижении боевой готовности, первая задача заключается в изменении представления, что это – ряд узких технических мер, направленных на снижение возможности случайного, несанкционированного, непреднамеренного или поспешного применения ЯО. Такое изменение станет ответом на основной аргумент против понижения боевой готовности ядерных сил – его направленности на решение проблемы (случайного, непреднамеренного или несанкционированного применения), которая не существует, а если и существует в некоторых случаях, ее можно решить техническими и организационными средствами, которые включают также и такие современные угрозы как ядерный терроризм.

Понижение боевой готовности необходимо рассматривать не только как техническое решение, но и как стратегический шаг в направлении снижения роли ядерного оружия, иными словами, перехода к стратегии ответного удара от морально устаревшей доктрины упреждающего или ответно-встречного удара. Такой переход может потребовать расширения определения понятия «понижение боеготовности» как ряда физических мер (ставшего популярным в 90-х гг. XX века) таким образом,

чтобы оно отражало политические или доктринальные изменения, которые могут привести к понижению боевой готовности с соответствующим увеличением сроков принятия решений на применение ЯО. Предстоящее в США принятие нового Обзора ядерной стратегии дает возможность осуществить такое доктринальное изменение.

Более широкий взгляд на проблему обеспечил бы вовлечение в дискуссию всех заинтересованных участников, в том числе российское и американское стратегические сообщества, значительные группы которых все еще убеждены, что понижение боевой готовности по традиционному определению стремится решить несуществующую проблему, а что само средство может привести к ухудшению ситуации в силу ослабления ядерного сдерживания и стратегической или кризисной стабильности. В то же время, эти сообщества по-прежнему заинтересованы в снижении ядерной угрозы, особенно путем увеличения сроков принятия решений на применение ЯО и взаимного обмена информацией. Большинство российских и американских участников настоящего проекта высказались в пользу сильных технических и оперативных мер, которые позволят исключить возможность несанкционированного пуска ракет или активации их боеголовок, устройств предотвращения доступа, которые при попытке захвата боеголовок выведут их из строя; расширения возможностей оперативной оценки возможных ракетных пусков; расширенных процедур оперативного обмена информацией о неоднозначных данных обнаружения; поддержания и развития договоренностей о ненацеливании; а также повышения выживаемости ядерных сил и средств связи и управления. Стратегические сообщества России и США также могут рассматривать понижение уровней боевой готовности в качестве временной меры по укреплению доверия, применимой по отношению к системам ядерного вооружения, которые планируется уничтожить согласно договорам в области контроля над вооружениями. Поэтому важно повторно вовлечь их в обсуждение вопросов понижения боевой готовности путем расширения диапазона этих дискуссий.

Подобное изменение постановки вопроса также может открыть путь для привлечения других ядерных держав в обсуждение вопросов понижения боеготовности ядерных сил. В результате появятся новые участники процесса, заинтересованные в снижении ядерной опасности и в содействии разоружению и нераспространению ЯО. Конкретным шагом в этом направлении может стать рассмотрение направленных на снижение ядерной угрозы технических мер в многостороннем контексте.

Еще одним шагом по изменению постановки вопроса может стать содействие иному пониманию соотношения между оперативной готовностью и ядерным сдерживанием, которое будет более соответствовать взаимозависимому миру эпохи окончания холодной войны. Если сторонников ядерного сдерживания можно убедить в том, что понижение боевой готовности направлено не на ослабление сдерживания, а на обеспечение

боеготовности средствами отличными от оперативного реагирования сотнями единиц готового к применению оружия, будет проще перейти на более низкие уровни боевой готовности ЯО. Естественно, любая попытка ускорить отказ от ядерного сдерживания рискует привести к усилению сопротивления идее понижения боеготовности.

И последнее, в контексте ядерного разоружения можно изменить постановку вопроса о понижении боевой готовности как качественного дополнения количественному процессу сокращения стратегических вооружений. В рамках дальнейших переговоров по СНВ Россия и Соединенные Штаты могут рассмотреть вопрос о том, как меры по понижению оперативной готовности могут дополнить двусторонний процесс ограничения вооружений. Нет необходимости вводить соответствующую меру понижения боевой готовности на каждом этапе процесса сокращения, однако важно каждый раз задаваться вопросом: «Что можно сделать для снижения ощутимой роли ЯО в процессе его сокращения или независимо от него?» Также важно, чтобы понижение боевой готовности не происходило за счет необратимости сокращений. Полученный в двустороннем контексте опыт можно было бы перенести в многосторонний формат ядерного разоружения по мере развития процесса.

Ниже приведены шаги, которые можно предпринять на раннем этапе с целью облегчения процесса изменения постановки вопроса о понижении боевой готовности ядерных вооружений:

- Расширение дискуссии в США и России относительно сложившихся ядерных стратегий и доктрин, а также уделение особого внимания этой теме в рамках двустороннего переговорного процесса по контролю над вооружениями. Особенно важна дискуссия в США в контексте подготовки очередного Обзора ядерной стратегии страны;
- Признание опасений Российской Федерации в отношении «упреждающего» удара, в том числе с применением обычных видов вооружений, и убеждение ее в обратном, чтобы упростить отказ государства от стратегии ответственного удара;
- Возврат вопроса о понижении боевой готовности ядерных вооружений в рамки российско-американского диалога по ограничению стратегических вооружений, как в случае с переговорами по СНВ-2. В рамках последующих переговоров по СНВ, Россия и США могут рассмотреть вопрос о том, как меры по понижению боевой готовности могут дополнить двусторонний процесс сокращения ядерных вооружений;
- Выполнение достигнутых ранее договоренностей по снижению ядерной угрозы, в том числе по ЦОД. Когда Центр приступит к работе, Россия и Соединенные Штаты могут начать обмен данными с третьими странами и предложить им предоставлять в Центр данные по испытаниям ракет и пускам ракет-носителей с космическими аппаратами;

К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОНИЖЕНИЯ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: Вопросы понижения оперативной готовности ядерных арсеналов США и России

21-23 июня 2009 г.
Гостиница La Prairie
Ивердон-ле-Бан, Швейцария

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

Приветственное слово и вступление

- **Кристиан Шененбергер** (Christian Schoenenberger), руководитель целевой рабочей группы по ядерному разоружению и нераспространению ядерного оружия Федерального департамента иностранных дел Швейцарии
- **У. Пал Сидху** (W. Pal Sidhu), вице-президент по программам, Институт Восток-Запад

Сессия I: Российский взгляд на вопрос понижения боевой готовности ядерных вооружений

Докладчики:

- **Генерал-майор (в отставке) Виктор Колтунов**, заместитель директора Института стратегической стабильности Росатома
- **Евгений Мясников**, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте
- **Леонид Рябихин**, ответственный секретарь Комитета ученых за глобальную безопасность и контроль над вооружениями; ведущий научный сотрудник Института Восток-Запад

Замечания:

- **Гарольд Фейвесон** (Harold A. Feiveson), содиректор Программы Принстонского университета по науке и глобальной безопасности

Сессия II: Взгляд США на понижение боевой готовности ядерного оружия

Докладчики:

- **Уолтер Слокомб** (Walter Slocombe), член юридической конторы Каплин и Дрисдэйл; бывший заместитель министра обороны США по вопросам политики
- **Джон Стейнбрунер** (John Steinbruner), директор Центра по изучению проблем международных отношений и безопасности при Университете Мэриленда; председатель совета директоров Ассоциации по контролю над вооружениями

- **Эми Вулф** (Amy Woolf), специалист по вопросам политики ядерных вооружений, Исследовательская служба Конгресса США

Замечания:

- Сергей Рогов, директор Института США и Канады Российской Академии Наук

Сессия III: Прежние подходы к понижению боевой готовности ядерного оружия

- Открытая дискуссия

Сессия IV: Боевая готовность, ее понижение и принцип многосторонних отношений: взгляды неядерных государств

- **Посол Дон Макэй** (Don Mackay), постоянный представитель Новой Зеландии при ООН в Женеве

Рабочий ужин: Будущее режима нераспространения ядерного оружия и новые возможности для совместных действий США и России

- **Основной докладчик** – заместитель государственного секретаря **Пьер Хельг** (Pierre Helg), Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии

Сессия V: Преодоление преград и практическая реализация подходов к понижению боевой готовности

- **Генерал (в отставке) Юджин Хабигер** (Eugene Habiger), почетный член и советник по вопросам политики Центра международной торговли и безопасности при Университете Джорджии; бывший командующий стратегическим командованием США
- **Генерал-полковник (в отставке) Виктор Есин**, научный сотрудник Института США и Канады Российской Академии Наук; бывший начальник штаба Ракетных войск стратегического назначения Российской Федерации
- **Григорий Чернявский**, генеральный директор Центра космического мониторинга Земли (Федеральное космическое агентство «Роскосмос»); член-корреспондент РАН

Сессия VI: Оперативная боеготовность и текущая работа по разоружению

- **Джеффри Люис** (Jeffrey Lewis), директор Программы ядерной стратегии и нераспространения ядерного оружия Фонда «Новая Америка»
- **Тимур Кадышев**, старший научный сотрудник по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте

Заключительная сессия: Дальнейшие шаги по понижению боевой готовности

- **Председатели:** **Кристиан Шененбергер** (Christian Schoenenberger) и **У. Пал Сидху** (W. Pal Sidhu)
- **Докладчик:** **Амандип Синх Гилл** (Amandeep Singh Gill), консультант/ приглашенный исследователь в Центре международной безопасности и сотрудничества при Стэнфордском университете

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

- **Пьер Хельг (Pierre Helg)**, заместитель государственного секретаря, Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии
- **Гбара Аванен (Gbara Awanen)**, министр постоянного представительства при Конференции по разоружению, Постоянное представительство Нигерии при ООН в Женеве
- **Абдул Азиз Азрил (Abdul Aziz Azril)**, первый секретарь Постоянного представительства Малайзии при ООН в Женеве
- **Роберта Арнольд (Roberta Arnold)**, советник по политическим и юридическим вопросам отдела обороны, международных отношений, политики ограничения вооружений и разоружения Федерального департамента обороны Швейцарии
- **Рето Волленманн (Reto Wollenmann)**, консультант, советник по военным вопросам Постоянного представительства Швейцарии при ООН в Женеве
- **Эми Вулф (Amy Woolf)**, специалист по вопросам политики ядерных вооружений, Исследовательская служба Конгресса США
- **Амандип Синх Гилл (Amandeep Singh Gill)**, консультант/ приглашенный исследователь в Центре международной безопасности и сотрудничества при Стэнфордском университете
- **Генерал-полковник (в отставке) Виктор Есин**, научный сотрудник Института США и Канады Российской Академии Наук; бывший начальник штаба Ракетных войск стратегического назначения Российской Федерации
- **Владимир Иванов**, директор филиала Института Восток-Запад в Российской Федерации
- **Тимур Т. Кадышев**, старший научный сотрудник по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте
- **Генерал-майор (в отставке) Виктор Колтунов**, заместитель директора Института стратегической стабильности Росатома
- **Рэйлин Лиуфалани (Raylene Liufalani)**, первый секретарь и заместитель постоянного представителя при Конференции по разоружению, Постоянное представительство Новой Зеландии при ООН в Женеве
- **Генерал (в отставке) Лэнс У. Лорд (Lance W. Lord)**, почетный научный сотрудник, Института Восток-Запад; бывший командующий космического командования ВВС США
- **Джеффри Люис (Jeffrey Lewis)**, директор Программы ядерной стратегии и нераспространения ядерного оружия Фонда «Новая Америка»
- **Посол Дон Макэй (Don Mackay)**, постоянный представитель Новой Зеландии при ООН в Женеве
- **Евгений Мясников**, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте
- **Посол Карлос Порталес (Carlos Portales)**, постоянный представитель Чили при ООН в Женеве
- **Жан-Даниэль Праз (Jean-Daniel Praz)**, заместитель руководителя отдела по ограничению вооружений и разоружению Федерального департамента иностранных дел Швейцарии
- **Сергей Рогов**, директор Института США и Канады РАН
- **Леонид Рябихин**, ответственный секретарь Комитета ученых за глобальную безопасность и контроль над вооружениями; ведущий научный сотрудник Института Восток-Запад
- **Камило Санхуэза (Camilo Sanhueza)**, первый секретарь Постоянного представительства Чили при ООН в Женеве
- **У. Пал Сидху (W. Pal Sidhu)**, вице-президент по программам, Институт Восток-Запад
- **Уолтер Слокомб (Walter Slocombe)**, член юридической

конторы Каплин и Дрисдэйл; бывший заместитель министра обороны США по вопросам политики

- **Генерал-майор (в отставке) Роберт Смолен (Robert Smolen)**, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем глобальной безопасности Национальной лаборатории Лоренс Ливермор; бывший командующий Вашингтонским округом ВВС США, авиабаза Боллинг
- **Джон Стейнбрунер (John Steinbruner)**, директор Центра по изучению проблем международных отношений и безопасности при Университете Мэриленда; председатель совета директоров Ассоциации по контролю над вооружениями
- **Риккарда Торриани (Riccarda Torriani)**, референт отдела ограничения вооружений и разоружения Директората политики Федерального департамента иностранных дел Швейцарии
- **Посол Мартин Ухомойбхи (Martin Uhomoibhi)**, постоянный представитель Нигерии при ООН в Женеве
- **Гарольд А. Фейвесон (Harold A. Feiveson)**, содиректор Программы Принстонского университета по науке и глобальной безопасности
- **Генерал (в отставке) Юджин Хабигер (Eugene Habiger)**, почетный член и советник по вопросам политики Центра международной торговли и безопасности при Университете Джорджии; бывший командующий стратегическим командованием США
- **Григорий Чернявский**, генеральный директор Центра космического мониторинга Земли (Федеральное космическое агентство «Роскосмос»); член-корреспондент РАН
- **Кристиан Шененбергер (Christian Schoenenberger)**, руководитель целевой рабочей группы по ядерному разоружению и нераспространению ядерного оружия Федерального департамента иностранных дел Швейцарии
- **Посол Юрг Штройли (Jürg Streuli)**, постоянный представитель Швейцарии при

Конференции по разоружению, Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии

Совет директоров Института Восток-Запад

EASTWEST INSTITUTE

Forging Collective Action for a Safer and Better World

ПРЕДСЕДАТЕЛИ

Френсис Финли (Великобритания)

Со-председатель ИВЗ

Председатель

Клэй Финли, ЛЛС (Clay Finlay, LLC)

Армен Саркисян (Армения)

Вице-председатель ИВЗ

Евразия Хаус Интернешнл (Eurasia House International)

Экс-премьер-министр Армении

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

Джон Эдвин Мроз (США)

*Президент и Главный
исполнительный директор
Институт Восток-Запад*

Марк Малец (США)

*Старший преподаватель
Гарвардская бизнес-школа
Председатель
Исполнительного комитета
Совета директоров ИВЗ*

Р. Уильям Айд III (США)

*Партнер
МакКенна Лонг энд
Олдридж ЛЛП (McKenna
Long & Aldridge LLP)
Советник и секретарь
Совета директоров ИВЗ*

Лео Шенкер (США)

*Старший исполнительный
вице-президент
Сентрал Нэшэнал-Готтесман, Инк.
(Central National-Gottesman, Inc.)
Казначей Совета
директоров ИВЗ*

ЧЛЕНЫ

Марти Ахтисаари (Финляндия)

Экс-президент Финляндии

Джеральд Т. Болдридж (США)

*Председатель
Репаблик Энерджи, Инк.
(Republic Energy, Inc.)*

Тор Бьоргольфсон (Исландия)

*Председатель
Новатор (Novator)*

Матиас Варниг (Германия)

*Управляющий директор
Норд Стрим АГ (Nord Stream AG)*

Бенгт Вестергрэн (Швеция)

*Старший вице-президент по
взаимодействию с корпоративными
и государственными
структурами, Европа и СНГ
АИГ Компаниз (AIG Companies)*

Пьер Вимон (Франция)

*Посол
Посольство Французской Республики в США*

Жанг Дегуанг (Китай)

*Президент
Китайский фонд международных
исследований*

Рохит Дезаи (США)

*Президент
Дезаи Кэпитал (Desai Capital)*

Ма Женганг (Китай)

*Президент
Китайский институт международных
исследований*

Вольфганг Ишингер (Германия)

*Руководитель глобальной
службы по отношениям с
правительственными структурами
Альянц СЕ (Allianz SE)*

Хайфа Аль Кайлани (Великобритания)
Председатель и со-основатель
Международный форум арабских женщин
(Arab International Women's Forum)

Питер Кастенфельт (Великобритания)
Председатель
Архипелаго Энтерпрайзис, Лтд.
(Archipelago Enterprises, Ltd.)

Мария Ливанос Каттауи (Швейцария)
Экс-генеральный секретарь
Международной Торговой Палаты

Дональд Кендалл, мл. (США)
Главный исполнительный директор
Хай Каунтри Пэссадж Л.П.
(High Country Passage L.P.)

Зигрид РВК Кендалл (США)
Управляющий партнер
Кендалл-Фервалтунгс-ГмБХ
(Kendall-Verwaltungs-GmbH)

Ричард Кесслер (США)
Председатель и исполнительный директор

Эмпайер Сити Кэпитал Корпорейшн
(Empire City Capital Corp.)

Джоэль Коуэн (США)
Президент
Хабершам энд Коуэн (Habersham & Cowan)

Кристин Лоу (Китай)
Главный исполнительный директор
Сивик Эксчейндж (Civic Exchange), Гонконг

Джеймс А. Лэш (США)
Председатель
Манчестер Принципал ЛЛС
(Manchester Principal LLC)

Томас Дж. Мередит (США)
Соучредитель и Председатель
Меритэдж Кэпитал Л.П.
(Meritage Capital, L.P.)

Майкл Мэйплс (США)
Бывший исполнительный вице-президент
Майкрософт Корпорейшн
(Microsoft Corporation)

Фрэнсис Наджафи (США)
Главный исполнительный директор
Пивотал Групп (Pivotal Group)

Фрэнк Ньюман (США)
Президент
АМ-ТАК Интернешнл
(AM-TAK International)

Юсеф Аль Отайба (ОАЭ)
Посол
Посольство Объединенных
Арабских Эмиратов в США

Росс Перо, мл. (США)
Председатель
Перо Системз Корпорейшн
(Perot Systems Corporation)

Джордж Ф. Расселл (мл.) (США)
Почетный председатель ИВЗ
Расселл Инвестмент Груп (Russell
Investment Group), Рассел 20-20

Луиз Ричардсон (США)
Исполнительный декан
Институт высших исследований
Редклиффа (Radcliffe Institute for Advanced
Study), Гарвардский университет

Джон Р. Робинсон (США)
Со-основатель
Совет по охране природных ресурсов

Лоран Ру (США)
Президент
Галлатин Велс Менеджмент, ЛЛС
(Gallatin Wealth Management, LLC)

Рамзи Х. Санбар (Великобритания)
Председатель
Санбар Девелопмент Корпорейшн С.А.
(Sanbar Development Corporation, S.A.)

Икрам уль-Маджид Сегал (Пакистан)
Председатель
Секьюрити & Менеджмент Сервисес Лтд.
(Security & Management Services Ltd.)

Кэнвал Сибал (Индия)
Экс-министр иностранных дел Индии

Генри Дж. Смит (США)
Главный исполнительный директор
Бад Смит Организейшн, Инк.
(Bud Smith Organization, Inc.)

Хилтон Смит, мл. (США)
Президент и Исполнительный директор
Ист Бэй Ко., Лтд. (East Bay Co., Ltd.)

Хенрик Торгерсен (Норвегия)
Старший вице-президент, советник
Главного исполнительного директора
Теленор (Telenor)

Чарльз Ф. Уольд (США)
Экс-заместитель командующего
Европейское командование США

Уильям Ури (США)
Директор
Проект Глобальных Переговоров при
Гарвардской юридической школе (Global
Negotiation Project at Harvard Law School)

Эддисон Фишер (США)
Председатель и со-основатель
Плэнет Херитедж Фаундэйшн
(Planet Heritage Foundation)

Стивен Б. Хайнц (США)
Президент
Фонд братьев Рокфеллер
(Rockefeller Brothers Fund)

Эмиль Хубинак (Словакия)
Председатель и исполнительный директор
Логомоушн (Logomotion)

Марк Чендлер (США)
Председатель и исполнительный директор
Биофизикал (Biophysical)

Игорь Юргенс (Россия)
Председатель Правления
Институт современного развития

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТОВ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ

Маршалл Беннет (США)

Президент

Маршалл Беннет Энтепрайзис
(Marshall Bennett Enterprises)

Джон А. Робертс, мл. (США)

Президент и Исполнительный директор

Чилмарк Энтепрайзис ЛЛС
(Chilmark Enterprises L.L.C.)

Дж. Диксон Роджерс (США)

Президент

Диксон Партнерз, ЛЛС
(Dickson Partners, L.L.C.)

Джордж Шир (США)

Президент (в отставке)

Саламандер США и Канада
(Salamander USA & Canada)

Основатель и исполнительный директор

Интернешнл Консалтинг Груп
(International Consulting Group), США

ПОЧЕТНЫЕ ПРЕДСЕДАТЕЛИ

Бертхолд Бейтс (Германия)

Президент

Альфريد Круп фон Болен унд
Хальбах-Штифтунг (Alfried Krupp von
Bohlen und Halbach-Stiftung)

Иван Т. Беренд (Венгрия)

Профессор

Университет штата Калифорния,
Лос-Анджелес

Ганс-Дитрих Геншер (Германия)

*Экс-вице-канцлер и министр
иностраннх дел*

Дональд М. Кендалл (США)

*Экс-председатель и
исполнительный директор
ПепсиКо Инк. (PepsiCo Inc.)*

Уитни МакМиллан (США)

*Экс-председатель и
исполнительный директор
Каргилл, Инк. (Cargill, Inc.)*

Айра Д. Уоллак* (США)

Со-основатель Института Восток-Запад

ПОЧЕТНЫЕ ДИРЕКТОРА

Ян Кшиштоф Белецкий (Польша)

Главный исполнительный директор

Банк Польска Каса Опеки С.А.
(Bank Polska Kasa Opieki S.A.)

Экс-премьер-министр Польши

Эмиль Константинеску (Румыния)

*Институт регионального сотрудничества
и предотвращения конфликтов (INCOR)*

Экс-президент Румынии

Виллиам Д. Диарстайн (США)

*Экс-председатель группы компаний
Джонсон и Джонсон (Johnson & Johnson)*

Джон У. Клюге (США)

*Председатель совета директоров
Метромедиа Интернешнл Груп
(Metromedia International Group)*

Мария-Пиа Котбауэр (Лихтенштейн)

Посол

Посольство Лихтенштейна в
Австрии, ОБСЕ и ООН в Вене

Уильям Е. Муррей*(США)

Председатель

Фонд Сэмюэля Фримана (The
Samuel Freeman Trust)

Джон Дж. Робертс (США)

Старший советник

Американ Интернешнл Груп (American
International Group - AIG)

Дэниел Роуз (США)

*Председатель
Роуз Ассошиэйтс, Инк. (Rose Associates, Inc.)*

Митчелл И. Сонкин (США)

*Управляющий директор
МБИА Иншуранс Корпорейшн
(MBIA Insurance Corporation)*

Торвальд Стольтенберг (Норвегия)

Президент

Норвежский Красный крест

Линер Тимерлин (США)

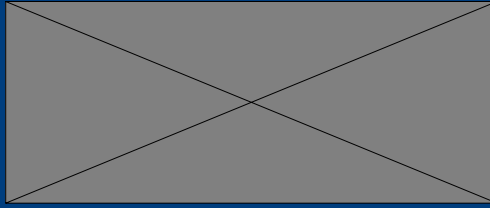
Председатель

Тимерлин Консалтинг (Temerlin Consulting)

Джон С. Уайтхед (США)

*Экс-сопредседатель
Голдман Сакс (Goldman Sachs),
Экс-заместитель госсекретаря США*

* ныне покойный

Институт Восток-Запад (ИВЗ) был основан в 1980 году как международная экспертная организация, ориентированная на практические действия. ИВЗ содействует разрешению наиболее сложных международных проблем, используя такие инструменты, как:

ПРОВЕДЕНИЕ конфиденциальных встреч и дискуссий между представителями общественных институтов и государств, испытывающих затруднения для нормального сотрудничества друг с другом. При этом ИВЗ выступает в качестве глобальной площадки для доверительного взаимодействия по линии неофициальной дипломатии, а также в роли организатора публичного обмена мнениями по вопросам мира и безопасности;

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОСТАНОВКИ вопросов, позволяющее найти взаимовыгодные решения проблемных ситуаций, – опираясь на сложившиеся у нас особые отношения с Россией, Китаем, США, Европой, другими державами и объединениями государств. ИВЗ сближает непримиримые позиции и взгляды, что способствует совместному движению к позитивным изменениям;

МОБИЛИЗАЦИЯ многоуровневой сети связей с ключевыми фигурами как в государственном, так и в частном секторе. ИВЗ использует свои контакты с лидерами экспертного, политического и бизнес-сообществ во всем мире в целях сглаживания существующих и предотвращения назревающих конфликтов.

Корпоративный лозунг ИВЗ (*Forging Collective Action for a Safer and Better World*), входящий в логотип Института, можно перевести так: «К совместным действиям за более безопасный и совершенный мир».

Институт Восток-Запад является политически независимой некоммерческой организацией с офисами в Нью-Йорке, Брюсселе и Москве. ИВЗ придает большое значение сохранению своей независимости, что обеспечивается диверсифицированным составом как совета директоров, так и спонсоров.

Центр ИВЗ в Брюсселе
Rue de la loi, 85
Brussels 1040
Belgium
Tel. 32-2-743-4610

Центр ИВЗ в Москве
Россия, г. Москва 123001,
ул. Садовая-Кудринская, 8 –12
Тел. 7-495-691-0449

Центр ИВЗ в Нью-Йорке
11 East 26th Street
20th Floor
New York, N.Y. 10010
Tel. 212-824-4100

www.ewi.info